

СОРА
НАУМОВА
МАРИЯ
ДУБИНИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ
ЗМЕЙ
В КОРНЯХ
СОСНЫ

NoSugar. Легенды змея

Мария Дубинина

Серебряный змей в корнях сосны

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дубинина М.

Серебряный змей в корнях сосны / М. Дубинина —
«Издательство АСТ», 2023 — (NoSugar. Легенды змея)

ISBN 978-5-17-155768-3

Зачаровывающая магия древней Японии, невероятная притягательность колдунов, демонов и обычных людей, снисхождение и гнев богов – все это в новом увлекательном цикле, основанном на легендах, берущих свое начало у истоков времен. Это история об одном ёкае, который желал стать божеством, а стал человеком. Чтобы вернуть себе силы, он должен проникнуть в школу оммёдо и украсть демонический меч. А еще это история о добром юноше, внутри которого сокрыт темный секрет. Он легко находит общий язык не только с людьми, но и с ёкаями, однако вынужден учиться их изгонять. Вместе они начинают путь становления оммёдзи в эпоху кровавых сражений, колдовства и чудес, и путь этот может навсегда их изменить. Первая книга серии, где только начнется путешествие по удивительному, коварному и чудесному миру, полному тайн, интриг и настоящей мужской дружбы! Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155768-3

© Дубинина М., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Список действующих лиц[1]	6
Система времени	8
Календарь (названия месяцев, принятые в книге)	9
Воздаяние. Монстр из Суцумэ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сора Наумова, Мария Дубинина

Серебряный змей в корнях сосны

© Наумова С., 2023

© Дубинина М. А., 2023

© Рассип, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Список действующих лиц¹

Главные герои

• Мацумото Хизаши – ученик школы Дзисин, змей-оборотень, проклятый богами и ставший человеком.

- Куматани Кента – ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Има.
- Учида Юдай – ученик школы Фусин, его духовное оружие – нагината по имени Кэйдо.
- Мадока Джун – ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Каёку.
- Сасаки Арата – изначально ученик школы Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Цубамэ.

• Моригава Дайки – учитель в школе Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Рендзё.
• Сакурада Тошинори – учитель в школе Дзисин, его духовное оружие – меч по имени Гэкко.

- Ниихара – старый наставник в Дзисин.

Воздаяние. Монстр из Суцумэ

- Ито – староста деревни Суцумэ.
- Марико – дочь старосты.
- Ямада Юдзиро – житель деревни Суцумэ.
- Ямада Ацуко – дочь Юдзиро.

Сострадание. Умибозу Черного острова

• Тояма Рэн – глава местного управления Дзисин на острове Камо, по совместительству смотритель маяка.

- Тояма Юэ – жена Тоямы.
- Аюкава – помощник смотрителя маяка.
- Сачико – старуха, живущая на пустынном Черном острове.
- Мамору – муж Сачико.

Сожаление. Тени замка Мори

- Лорд Киномото – столичный аристократ, владелец замка Мори.
- Янагиба – управляющий в замке Мори.
- Наримацу – самурай, заведует охраной замка, правая рука лорда Киномото.
- Юрико-химэ – жена лорда Киномото.
- Цудори – первая наложница.
- Хироко – младшая наложница.

---

¹ Здесь и далее примечания авторов: для японских имен действует следующий порядок – сначала фамилия, потом имя.

Система времени

Час Обезьяны – с 3 до 5 дня.

Час Курицы – с 5 до 7 вечера.

Час Пса — с 7 до 9 вечера.

Час Свиньи – с 9 до 11 вечера.

Час Мыши – с 11 до 1 часа ночи.

Час Быка – с 1 до 3 ночи.

Час Тигра – с 3 до 5 утра.

Час Кролика – с 5 до 7 утра.

Час Дракона – с 7 до 9 утра.

Календарь (названия месяцев, принятые в книге)

Январь – МИТСУКИ – месяц гармонии, месяц пионов.

Февраль – КИСАРАГИ – месяц, когда надевают много одежд, месяц камелии.

Март – ЯЁЙ – месяц произрастания, месяц сливы.

Апрель – УДЗУКИ – месяц дейции, месяц сакуры.

Май – САТСУКИ – месяц рисовых посевов, месяц глицинии.

Июнь – МИНАДЗУКИ – месяц без дождей, месяц гортензий.

Июль – ФУМИДЗУКИ – месяц литературы, месяц лотосов.

Август – ХАДЗУКИ – месяц опадающих листьев, месяц космеи.

Сентябрь – НАГАТСУКИ – месяц длинных ночей, месяц хризантем.

Октябрь – КАННАДЗУКИ – месяц без богов, месяц георгин.

Ноябрь – СИМОТСУКИ – месяц заморозков, месяц кленов.

Декабрь – СИВАСУ – месяц окончания дел, месяц увядания.

Защитный барьер тайного зала Демонического меча едва сдерживал чудовищную силу.

С того момента, как Мацумото Хизаши спустился под землю, в самые глубины горы Тэнсэй², он шел на зов этой силы, пока не оказался в узком коридоре, в конце которого на створках дверей сплелись в вечной борьбе два нарисованных тигра. Хизаши остановился и сильно сжал в пальцах сложенный бумажный веер.

– Мацумото! – голос юноши за его спиной звенел от ярости и обиды. – Не думай, что сумел ускользнуть от меня! Дальше ты не пройдешь!

Хизаши бросил взгляд на заветные двери, с которыми их разделяло чуть больше пяти дзё³ и со вздохом обернулся к юноше.

– Уходи, – велел он. – Второй раз просить не стану.

– Тогда не таи на меня обиды!

Юноша молниеносным для своего грузного тела движением выхватил меч и ринулся в атаку. Его громкий боевой клич Хизаши слышал уже не раз, но именно сегодня ему суждено было бесславно оборваться. Взмах руки, и напоенный темной ки веер рассек воздух между ними. На светлое дерево стенных панелей брызнули алые капли. Отброшенные в сторону ножны едва успели удариться об пол, как и тело их владельца, тяжело завалилось вперед, и Хизаши не удостоил его даже сочувственным взглядом.

---

² Тэнсэй – название выдуманной горы, на которой возведена школа оммёдо и экзорцизма Дзисин, в переводе означает «небесный голос».

³ Дзё – историческая японская мера длины, равная примерно 3,03 м.

Двери зала Демонического меча уже раскрылись перед ним.

Цок-цок-цок – удары гэта об пол, дерево по дереву, – наполнили пустое пространство звуком. Огромный зал освещался всего несколькими каменными фонарями возле возвышения, где покоился клинок без ножен, в древности получивший название Дзайнин⁴. Подставку с ним опоясывала веревка с подвешенными на нее бумажными талисманами-офуда, шевелящимися даже без ветра. Зловещая аура сгустилась внутри огороженного периметра. Хизаши не смел тронуться с места, взирая на свою цель с почтительного расстояния.

На полотне за мечом тушью были выведены слова:

*«Одинокий месяц
И тот помнит, как с честью
Уйти с рассветом».*

Хизаши усмехнулся. Мастера школы оммёдо⁵ Дзисин явно успели позабыть эти строки, иначе давно бы оборвали свои жалкие жизни, чтобы сохранить хотя бы крупицу достоинства. Он взмахнул веером и в два длинных прыжка пересек зал. От веревки с талисманами его отделял один единственный шаг...

Лязг освобождаемого от ножен металла предупредил его об опасности за миг до удара. Хизаши отпрянул, и перед глазами серебряной молнией просвистело лезвие. Этот меч звался Има⁶, и рука, его держащая, была тверда сейчас, как никогда прежде.

– Я не верил, – сказал этот человек, выходя из тени. Хизаши не вздрогнул, хотя до самого последнего момента не замечал в зале посторонних. – Догадывался, но не верил.

Он встал перед Хизаши, заслоняя невысокой фигурой постамент с Дзайнин. Хизаши так хорошо изучил лицо этого человека, что мог не глядеть в него, чтобы увидеть осуждение в немного наивных мшисто-зеленых глазах.

– Кента? – удивился он. – Почему... Почему именно ты?

– Ты спрашиваешь меня, почему я, – с горькой усмешкой заговорил тот, кого он только что назвал по имени, – но и я хотел бы задать тот же вопрос. Я глупец. Даже видя нож у своего горла, буду называть держащего его братом. Я ни на что не годен, и все же я не позволю тебе погрузить мир во тьму. Мацумото Хизаши, кем бы ты ни был на самом деле, человеком или монстром, на этом тебе придется остановиться.

И Хизаши все-таки сорвался.

– Тебе не понять!

– Нет, как раз сейчас я понимаю больше, чем за последние три года. Сдайся, не заставляй меня сожалеть о тех днях, когда мы жили и сражались рука об руку.

Их взгляды скрестились раньше клинков, и в этой безмолвной битве никто не собирался уступать. Има был опущен, но Кента за время обучения в школе Дзисин стал невероятно ловок в обращении с оружием, тогда как Хизаши так и не научился доверять куску металла свою жизнь.

Хизаши молчал. Он знал, на что шел, с самого начала, но не думал, что у этого смертного сердца окажется так много слабых мест. Прежде он ударил бы первым.

– Что с Мадокой? – вдруг спросил Кента.

– Не хочешь выйти и сам проверить? – ответил Хизаши. Его голос был пуст и холоден, тогда как внутри бушевало пламя.

---

⁴ Дзайнин – в книге легендарный демонический меч, который в Дзисин забрали в качестве трофея после победы над демоном, в переводе означает «грешник».

⁵ Оммёдо – традиционное японское оккультное учение. Пришло из Китая как система гаданий, изгнания злых духов и защиты от проклятий. Человека, практикующего оммёдо, называют оммёдзи. В книге оммёдо отождествляется с магией.

⁶ Има – в переводе с японского означает «сейчас».

С широкого лица Кенты схлынула кровь, пальцы напряженно сжались на рукояти. Сколько раз Хизаши видел похожее выражение? Разница лишь в том, что сейчас он сам стал его причиной.

– Ты...

– Я просил его уйти. Он не послушал.

И снова слова сорвались с языка, как острые ядовитые иглы. Хизаши видел, куда надо метить, но эти иглы были остры с обеих сторон. Нельзя допустить ни капли сомнений, когда до цели рукой подать. Кента, казалось, погрузился в себя, и тогда Хизаши рискнул. Ки горячей волной устремилась от живота вверх, наполняя все тело привычным жаром. Хизаши взмахнул веером, блокируя выпад Кенты, белоснежная бумага встретилась с заточенной сталью и смогла ее отбросить. Вторым ударом Хизаши разломил Иму на две части, одна из которых со звоном упала им под ноги.

В следующий момент Хизаши оттолкнул Кенту с пути и протянул руку. Веревка с талисманами качнулась, и темная удушающая энергия вырвалась на волю. Хизаши ничего не замечал, его пальцы почти схватились за рукоять демонического меча, когда другая рука опередила его и схватила Дзайнин прямо за лезвие. Остро запахло свежей кровью.

Хизаши ударил Кенту в живот, но это было все равно что толкать ногой гору.

– Отпусти! – крикнул он, но было поздно. Кровь продолжала сочиться из глубокого пореза и впитываться в металл. Меч завибрировал, застучал по скобам подставки. Выброс энергии зла оказался такой силы, что Хизаши едва устоял на ногах, его протащило по татами целый дзё, пока он, взмахнув рукавами, не затормозил.

– Куматани! – Он раскрыл веер, защищаясь от бушующего шторма отравленной энергии инь. – Немедленно убирайся отсюда!

Куматани Кента разжал ладонь, и Дзайнин поднялся в воздух, выпрямился острием вниз, и от рукояти, обмотанной синей шелковой лентой, вниз по зеркальной поверхности клинка пробежали красные искры.

Пробудившийся меч искал своего хозяина.

– Куматани!

Кента прищурился, по его смуглой коже заплясали алые отблески проклятой магии. Хизаши подбежал к нему и схватил за плечо.

– Очнись же! Нам обоим больше нельзя здесь...

Он никак не ожидал, что Кента вдруг направит обломок Имы ему в бок. Уйдя чуть в сторону, Хизаши почувствовал, как тяжелеет, набухая кровью, распоротая ткань хаори. Лицо Кенты ничего не выражало, он отбросил осколок и вместо него схватился за Дзайнин.

Тати⁷ в его руке смотрелся непривычно, слишком большой, слишком изогнутый.

Хизаши отпрыгнул назад и бросил ослепляющий талисман. В яркой вспышке света он сложил пальцы в печать ускорения, и тело переполнилось легкостью, будто ничего не весило. Хизаши рванул вперед, на бегу веером создавая колебания энергии, призванной сдержать силу пробужденного демонического меча. Движение заняло несколько ударов сердца, но внезапно острие Дзайнина уперлось ему в грудь. Хизаши отклонился назад, проходя под атакой, и рука Кенты пронеслась у него перед лицом.

– Ты с ума сошел!

Вместо ответа Кента снова занес над головой меч, и кровожадная аура бросила тень на его готовое к броску тело. Хизаши впервые пожалел, что не носил с собой оружия.

Оставалось единственное, что могло прекратить чужое безумие. Хизаши отвел с правого глаза длинную челку и приказал:

---

⁷ Тати – длинный японский меч, не засовывался за оби, а подвешивался на пояс лезвием вниз. Более длинный и более изогнутый, чем катана.

– Замри.

Как только взгляд человека столкнулся с его взглядом, разум попал в ловушку запретной магии. Хизаши подошел ближе, не отводя от застывшего юноши горящий желтым глаз, в котором, как в янтаре, застыл вытянутый зрачок.

– Ты не должен быть здесь, – с сожалением вздохнул он. – Я сделал много зла и я не жалею о нем. Разве что... Разве что я сожалею, что вынужден был обмануть тебя.

Он протянул руку к демоническому мечу, но Кента вдруг скинул чары, и Дзайнин вновь устремился Хизаши в лицо. Он поднял веер, зная, что это не поможет.

Двери тайного зала сотряслись от удара снаружи.

Глаза Кенты ярко вспыхнули вишневым.

Меч опустился и глубоко вошел в пол.

Хизаши нажал на особую точку на шее открывшегося Кенты и подхватил обмякшее тело.

– Прости, – сказал он и достал из-за пояса последний талисман. – Мы уходим.

Воздаяние. Монстр из Суцумэ

Над покосившейся бревенчатой лачугой над самой непроходимой частью леса Светлячков загадочно белела луна. Ее призрачное сияние проникало сквозь прорехи в бумаге, которой было затянуто единственное окно, и падало на земляной пол. Ночь выдалась прохладной, но, когда Мацумото Хизаши со своим безвольным грузом вывалился из трещины пространственного портала, холод был последним, что он ощутил.

Магия такого порядка забирала много сил у использующего ее оммёдзи, каждый талисман был на вес золота, а поспешная его активация и вовсе могла стоить жизни. Хвала богам, обошлось без происшествий, и под ногами оказался утоптаный пол, а вокруг – унылые голые стены давно заброшенного жилища. Это место Хизаши выбрал заранее, укрыл от случайных путников барьером, а от будущей погони – отражающими талисманами. Некоторое время, весьма короткое, здесь они двое были в безопасности. Хизаши выдохнул и свалил Куматани на ветхую лавку.

– Тяжелый... – пожаловался он в пустоту и прижал ладонью кровоточащий бок. Сливовая ткань хаори отяжелела от влаги, боль была не сильной, но досадной, как напоминание о собственной смертности, о которой Хизаши, кажется, уже успел забыть. При нем не было никаких вещей, кроме тех, что он когда-то загодя оставил в лачуге, но сейчас вполне хватило бы полоски чистой ткани. Хизаши снял хаори, сбросил до пояса темно-синее кимоно и осмотрел рану. Она выглядела страшнее, чем была на самом деле, но кровь продолжала сочиться, а воду в пузатой фляжке стоило поберечь.

Хизаши плеснул на ладонь, смыл кровь и принялся за бинтование.

– Брат...

Голос Кенты был хриплым, едва узнаваемым. Хизаши затянул импровизированный бинт потуже и подошел к беспокойно вздрагивающему парню. Густые брови хмурились, в складке между ними собрались капельки пота, обычно улыбающееся добродушное лицо посерело, губы болезненно кривились, кадык ходил ходуном. Хизаши едва поборол в себе желание коснуться влажного лба, успокоить, убрать выражение страдания со знакомого лица.

Но он больше не имел на это права.

– Брат!.. – На этот раз Кента почти выкрикнул это слово, и из покрасневших уголков глаз скатились слезинки.

О чем он думал? Что видел в забытии, навешанном нечеловеческой магией? Хизаши не знал. Он опустил взгляд на чужую руку, мозолистые пальцы, привыкшие к рукояти меча, сжимались и разжимались, и тогда Хизаши вспомнил про Дзайнин.

Удивительно, какой глупой и бессмысленной могла стать цель после ее достижения. Изогнутый длинный клинок без ножен валялся на полу, ловя лезвием лунный свет, и казался просто безжизненным куском металла. Хизаши поднял его и сделал пару пробных взмахов. Оружие не отзывалось, хотя в нем еще ощущались остатки темной энергии. Хизаши раздраженно отбросил Дзайнин в сторону и сел на пол напротив двери.

В этом мире люди были далеко не единственными и уж точно далеко не самыми могущественными существами. Оказавшись в клетке смертного тела, Хизаши познал эту истину в полной мере. Злые духи, мелкие демоны-акумы, демоны-они, ёкаи⁸, ками⁹ и боги – среди них лишь люди боялись смерти, и это же делало их опаснее самых жестоких демонов и самых

---

⁸ Ёкаи – общее название для сверхъестественных существ японской мифологии. В книге являются одним из классов существ наряду со злыми духами, демонами, ками и богами.

⁹ Ками – синтоизме духовная сущность, присущая всему живому. В книге трактуется как мелкое божество места, имеющее свое святилище.

кровожадных ёкаев. Хизаши смотрел на дверь и думал о том, как поступит первая в списке уважаемых школ экзорцизма Дзисин, после того как обнаружит исчезновение пары старших учеников и демонического меча? Всего в империи Ямато было три великих школы, обучающих колдовству и экзорцизму: Дзисин – «Уверенность», Фусин – «Сомнение» и Кёкан – «Соперничество», а кроме них еще бесчисленное множество школ поменьше, в том числе и клановых, куда не могут вступить люди со стороны. Но Дзисин среди них – как орел среди ворон. Однако у большой силы – большая гордость, а у великой силы – великая гордыня. Хизаши не сомневался, что погоня будет, но, если бы Дзисин позвала на помощь другие школы, поимка беглецов заняла бы в разы меньше времени.

Но Дзисин так не поступит.

– Брат!

Хизаши вскочил на ноги, подбежал к резко севшему Кенте и почти столкнулся с ним лбами. Взгляд парня медленно прояснялся.

– Куматани-кун? – неуверенно позвал Хизаши. – Ты...

Слова застревали в горле, больно царапали изнутри острыми углами. Хизаши прокашлялся и все-таки закончил:

– Ты помнишь, что случилось в зале Демонического меча?

Кента поморщился, будто воспоминания причиняли ему боль. В его глазах совершенно ничего нельзя было прочесть, только видеть свое обеспокоенное отражение.

Наконец, он произнес:

– Нет.

Хизаши не смог сдержать облегченного вздоха.

– Тогда тебе нужно еще отдохнуть. Ложись, я за тобой присмотрю.

Кента вдруг схватил его за запястье и до боли сжал ледяными пальцами.

– Где мы?

– На севере леса Светлячков. Два дня пешего пути до школы.

– Школы?

– Дзисин, – пояснил Хизаши и опустил взгляд на пальцы, все еще стискивающие его руку. – Да что с тобой такое? Ты хотя бы свое имя помнишь?

Чары не должны были повредить его рассудок, но отчего-то устремленный на него взгляд Хизаши пугал.

– Кента? – Голос отчего-то прозвучал вопросительно. – Куматани Кента.

– Верно. Ты Куматани Кента. А теперь, – Хизаши отцепил его пальцы от себя, – или спи, или медитируй.

– Я не хочу спать.

Кента опустил руки и посмотрел на них так, словно видел впервые, а на лбу снова возникла недовольная морщинка. Но неожиданно Кента кивнул и сел на лавке в позу для медитации. И только тогда Хизаши почувствовал, как невидимая рука убралась от его шеи.

Он вдруг вспомнил о том, как они познакомились.

Это был пасмурный день месяца хризантем, месяца долгих ночей. Осень еще толком не началась, но Хизаши уже предчувствовал так ненавистные ему холода, и это наполняло его голову мрачными мыслями, а сердце – злобой. Он сидел на большом замшелом камне и хмурился. За два дня этой тропой на северной окраине Лисьего леса не прошло ни единого случайного путника, вопреки названию, не встретилось даже ни одной лисы, и Хизаши уже какое-то время предавался унынию. С утра накрапывал мелкий дождь, и даже воспоминание о нем заставляло плечи непроизвольно приподниматься. Сейчас же солнце вошло в зенит, но высокие деревья почти не пропускали теплых лучей. Недовольный собой, но, по большей части, миром, Хизаши обмахивался бумажным веером и то и дело поглядывал на тропу.

Когда впереди показался человеческий силуэт, Хизаши готов был разговаривать с кидзимуна, духами деревьев, от отчаяния. Тело хотело есть, хотело спать, и это вызывало раздражение. Вытянув левую ногу, Хизаши чуть откинулся назад, принимая страдающий вид, и принялся ждать, пока путник подберется поближе.

Тот остановился в нескольких шагах, потому что в этом месте тропу почти полностью затопило от недавних проливных дождей, и обойти ее можно было только по кустам и камням.

– Разве это удачное место, чтобы переждать дождь? – пробормотал человек и, подняв голову, посмотрел на серое осеннее небо.

– Похоже, что я собираюсь тут переждать дождь? – процедил Хизаши, забыв, что собирался быть милым с любым, кто пройдет достаточно близко. – Ты видишь крышу над моей головой?

На нос упала первая дождевая капля. Хизаши вздохнул и посмотрел на незнакомца с тщательно скрываемым презрением. Человек был молод, полон энергии и духовных сил, то есть подходил по всем параметрам.

– Будь над тобой крыша, я бы спросил? Отчего ты сидишь здесь один, как ёкай, поджидающий жертву? Ты не можешь идти?

– Не могу, – нагло солгал Хизаши. Человек был глупым, хотя все люди были такими. – Возьми меня с собой.

«Возьми меня с собой», – повторил Хизаши про себя. Сожаление на вкус было как кислое вино, мерзкое и бесполезное. Лунный свет погас, скрытый набежавшими облаками, и деревья вокруг убогой лачуги тревожно загудели под порывами ветра. Хизаши ненавидел дождь, а дождь, казалось, ненавидел его и повсюду преследовал. С самого первого дня.

– *Я Куматани Кента.*

Он вытащил свой старый залатанный зонтик и протянул Хизаши.

– *А как мне называть тебя?*

Демонический меч лежал на полу, но удовлетворения не было. Не было ничего, кроме беспричинной, глухой, такой человеческой тоски.

– Ты устал.

Хизаши даже не услышал, как Кента поднялся с лавки и приблизился к нему. Годы учебы не прошли даром для деревенского мальчишки, но Хизаши все равно должен был его почувствовать.

– Ты устал, – повторил Кента и положил холодную ладонь ему на плечо. – Это было очень долгое бегство.

– О чем ты?

Тень скрывала лицо плотной вуалью, но глаза блестели ярко. Предчувствие угрозы стало невыносимым, и Хизаши поднялся на ноги, вмиг возвышаясь над товарищем по учению на целый сяку¹⁰. Взгляд блестящих глаз следил за ним неотрывно.

– Хизаши, – произнес Кента и повторил, словно на пробу: – Хизаши-кун.

Веер, всегда хранимый за поясом кимоно, после перевязки остался лежать на столе. Без верного оружия ладони Хизаши стали влажными от напряжения.

– Ты не в себе, – сказал он. – Демонический меч как-то на тебя повлиял.

– Нет, я в себе.

В улыбке Кенты не было и капли прежнего обаяния.

– Я совершенно точно в себе, Хизаши-кун. Хизаши-кун, позволь мне поблагодарить тебя за тяжкий труд. Ты спас меня.

– Это не акт милосердия.

---

¹⁰ Сяку – историческая японская мера длины, равная примерно 30 см.

– Не обманывай себя. Я вижу все. Я вижу даже больше, чем все, – Кента положил ладонь на грудь Хизаши, и леденящий холод пробрался сквозь одежду. – Пора остановиться. Твой путь, полный страданий и обид, подошел к концу. Когда все закончится, ты скажешь мне «спасибо».

– Нет.

Хизаши попятился, но холод уже пробрался под кожу и, что гораздо хуже, начал подбираться к средоточию ки. Когда он достигнет его, участи позорнее сложно будет придумать. Хизаши собрал энергию в ладонях и с хлопком свел их вместе. Тепло разлилось по телу, но когда губы Кенты тронула улыбка, Хизаши понял, что был обманут.

Пока вся его ки боролась с проклятием Ледяной ладони Эммы, меч Дзайнин пропал из поля зрения и снова возник – в руке Кенты.

– Я не стану тебя убивать, ведь нас так много связывает, Хизаши-кун.

Чем чаще он повторял его имя, тем сильнее становились подозрения. Однако Ледяная ладонь Эммы – смертельное проклятие, если Хизаши хочет выжить, он ни на миг не должен отвлекаться.

– Ничего не хочешь сказать своему дорогому другу?

Хизаши стиснул зубы, и потоки энергии в нем продолжили течь быстро и равномерно, прогоняя холод. Кента шагнул вперед и с любопытством заглянул ему в лицо.

– Прежде ты был более многословен, Ясухиро.

Течение ки застопорилось, и Хизаши прикусил язык, чтобы не вскрикнуть от боли. Рот заполнился кровью.

Куматани Кента рассмеялся и отошел назад.

– Ты гораздо сильнее, чем раньше, но твоему телу недостает выносливости. Эта человеческая жизнь испортила тебя.

– Да что ты знаешь?! – не выдержал Хизаши, и за потерянный контроль пришлось поплатиться новой вспышкой боли. Губы Кенты дрогнули, но он ничего не сказал, и на мгновение в зеленых глазах промелькнул испуг. Хизаши зацепился за него, но время было упущено. Куматани поднял меч на уровень глаз и провел двумя пальцами по всей длине лезвия. Дзайнин отозвался красным свечением, и его кровожадная аура стала такой сильной, что от нее скрутило внутренности. Хизаши кашлянул, и на пол брызнула пошедшая горлом кровь. Перед глазами потемнело, и лишь голос все продолжал звучать в сгущающемся холодном мраке.

– Хизаши-кун. Если мы снова встретимся, кем ты меня назовешь?

В лачугу ворвался влажный от дождя воздух, хлопнула дверь, и тогда ноги перестали держать Хизаши, и он упал вперед, еще в полете теряя сознание.

«Если мы снова встретимся, кем ты меня назовешь?»

«Кем ты меня назовешь?»

«Ясухиро».

* * *

– Куматани!

В щель неплотно прикрытой двери тянуло холодом, Хизаши продрог до костей, сидя на земляном полу в позе для медитации. Силы иссякли, и он заснул, едва только миновала опасность для жизни. Ему приснился один из дней, когда они с Куматани повздорили из-за ерунды, и никто не желал признавать поражение.

Хизаши разбудил его же собственный крик.

Он вскочил на ноги и огляделся – хижина была пуста, ни следа Кенты или демонического меча. Человек, которого Хизаши все-таки признал своим другом, исчез, может быть,

даже немного раньше, чем покинул стены лесной лачуги. Хизаши быстро привел себя в порядок, заткнул за пояс веер и замер только перед самым порогом.

Куда ему пойти? У школы Дзисин длинные руки, в чаще леса Светлячков еще можно было не опасаться засады, но дороги уже наверняка перекрыты их людьми, а в городах и крупных селениях его ждут обнаженные мечи бывших соучеников. Как бы ни прискорбно было это признавать, Хизаши требовались союзники, но на свете едва ли найдется кто-то, кто рискнет жизнью ради него.

Однако точно найдутся те, кто рискнет ради Куматани Кенты.

Мадока Джун. Средний сын в семье военных. Его дед – самурай, принесший клятву верности даймё¹¹ местных земель еще тогда, когда тот не имел теперешнего могущества и богатства. Мадока не отличался гибкостью ума и в изящных искусствах был полным профаном, но, если кому и доверить свою жизнь, так это ему, преданному, прямому и честному человеку. Человеку, которого Хизаши обманывал и над которым без стеснения смеялся.

Учида Юдай. Образцовый ученик школы Фусин, придерживающейся идеологии справедливости и воздаяния. Всегда сдержанный снаружи и вспыльчивый внутри юноша с твердыми убеждениями и искренней верой в праведность своей школы. Если Хизаши снова встретит Юдая, умрет от его меча.

Сасаки Арата. Слабый, ведомый юноша, в руке которого кисть способна творить чудеса, а меч – только смешить нечисть. Арата никогда не встанет впереди, а если и сделает это, то лишь для того, чтобы бесславно погибнуть. Но Арата нашел свое место, и там Хизаши может получить нужную ему поддержку.

Решено, отныне путь Хизаши ляжет в исходную точку его длинного путешествия – в Лисий лес, в таинственную и скрытую от глаз школу оммёдо Кёкан.

Древняя легенда гласила, что основатель школы Сопереживания – Кёкан, тогда еще никому не известный молодой мастер Нишида Мамору, столкнулся со смертельной опасностью в самой чаще Лисьего леса и сражался с демонами три дня напролет, пока совсем не выбился из сил. Когда он уже собирался умереть, но унести с собой как можно больше врагов, ему на помощь пришла ногицунэ, одна из тех ёкаев, из-за которых лес и называли Лисьим. Но мастер Нишида быстро понял, что это была особая, черная божественная лиса – генко. Она прогнала демонов, унесла мастера в свое логово и выхаживала, пока он не смог вернуться к людям. С тех пор сначала лисы, а потом и другие ёкаи, подчиняясь воле кицунэ, стали помогать мастеру Нишиде и его ученикам, а вскоре он основал собственную школу, девизом которой стало «мир един для всех».

Иногда Хизаши задумывался, каким на самом деле человеком был этот Нишида Мамору, что смог перетянуть на свою сторону кицунэ, а после не побоялся людского осуждения. Преследовал ли он тайный умысел или просто был хорошим человеком? В любом случае, прошло более трех веков с той истории, а школа Кёкан и поныне вызывает множество вопросов не только у простых людей, но и у членов других экзорцистских школ.

Хизаши не мог избавиться от тревоги. Он шел уже несколько дней, избегая прямых путей, петляя и скрываясь, и оттого тратил гораздо больше времени. Лес Светлячков и Лисий лес разделяла река, пересечешь ее – окажешься опасно близко к Дзисин, но с этим ничего не поделаешь. Приходилось идти на риск. Гораздо больше беспокоило отсутствие новостей о Кенте. Хизаши не знал, что происходило с ним в эти дни. Демонический меч Дзайнин отравлял его своей убийственной аурой, замутнял сознание. Хизаши не мог не винить себя за это, но что сделано, то сделано. Он сам встал на эту скользкую тропу, сам же все исправит.

К вечеру четвертого дня, когда он приближался к границе леса Светлячков, распогодилось, но под сенью раскидистых сосен воздух оставался влажным, тяжелым и неприятным.

---

¹¹ Даймё – крупный военный феодал средневековой Японии.

Хизаши не нес с собой никакой поклажи, кроме фляги с остатками воды, но продвижение его все равно замедлилось, давала о себе знать свежая рана. Из их компании лучше всех развил в себе рэйки для исцеления Сасаки Арата, Хизаши мог бы помочь сам себе, но Проклятие ледяной ладони Эммы подточило его силы. Он остановился на развилке, так похожей на ту, где на плоском камне поджидал случайного путника Мацумото Хизаши три зимы тому назад.

Воспоминания захлестнули его, и тяжесть в груди сделалась вдруг невыносимой. Хизаши заставил себя отвернуться от прошлого и пошел по узкой тропе, уходящей все глубже и глубже в темную чащобу. Света стало совсем мало, обычному человеку пришлось бы продвигаться наугад, но глаза Хизаши слабо мерцали расплавленным янтарем, и сумрак отступал, и все же черные тени двигались вслед за ним меж шершавых сосновых стволов. Хизаши прислушивался к свисту ветра в мохнатых макушках, а его рука постоянно лежала на поясе, почти касаясь кисточки заткнутого за обидзиме веера, своего единственного оружия. Темнота больше не успокаивала привыкшего к ней Хизаши. Напротив, сгущаясь вокруг, она будто бы смотрела на него сотнями глаз и слушала сотнями ушей. Школа Дзисин хорошо готовила своих учеников, но одинокий недоучившийся оммёдзи, столкнувшись с подобным, непременно нашел бы свой конец.

Пальцы все же коснулись отполированных пластин, и Хизаши мгновенно выхватил веер, раскрыл в развороте и застыл, проведя подошвой гэта полукруг в жирной земле.

Тьма застыла тоже, чтобы спустя один взмах крыльев бабочки взорваться шорохом множества тонких ног и треском хитиновых панцирей. Хизаши сложил вместе два пальца, прижал к нижней губе и, прошептав короткое заклинание активации, быстро провел пальцами по плотной бумаге.

Пауки дождем посыпались с деревьев, и взмах веера обернул черный красноглазый поток вспять. Хвоя сосен задрожала от разочарованного воя орды мелких демонов, в которых переродились паучьи ёкаи. Хизаши отступил еще на шаг, его кисть изящно изогнулась, и поток воздуха, рожденный веером, закрутился вокруг подобно прозрачному щиту.

– Держжжжи его. Хватттай его, – раздавалось со всех сторон. Хизаши достал из-за пазухи пачку готовых талисманов и бросил по обе стороны от себя. Продолговатые листки намертво приклеились к стволам и вспыхнули алым светом. Его лучи потянулись от одного талисмана к другому, образуя плотную сеть.

– Держжжжи его. Хватттай его, – шелестел ветер. Хизаши отступал, понимая, что не может ввязаться в бой, у него осталось мало сил, а мелкие демоны брали числом, казалось, сколько их не изгоняй, становится только больше. Но откуда их столько в Лисьем лесу, под боком у самой мирной школы в мире оммёдо?

Хизаши порезал палец об острый край пластины и кровью нарисовал на веере заклятие зеркала. Теперь для демонов он ненадолго исчезнет, пока кровь полностью не впитается в бумагу. Он развернулся, но не пробежал и пары дзё, как дорогу ему преградила сеть из липкой паутины. Натянутые нити дрожали, на них, словно жемчуг, поблескивали прозрачные капли. Его загнали в ловушку! Даже ёкаи посильнее не способны были действовать так слаженно и придерживаться плана. Кто-то научил их и проследил, чтобы все прошло гладко. Хизаши взмахнул веером, но высвобожденная ки впиталась в паутину, и жемчужины росы на ней засияли ярче. Воздух наполнился сладковатым ароматом гниющих цветов.

И что-то приближалось.

Хизаши сунул руку за пазуху, но нащупал лишь пару талисманов, да мешочек омамори, подаренный другом.

Паутина завибрировала, как струны бивы, и огромная тень упала на Хизаши. Шорох преследователей стих, и только этот тонкий, едва уловимый звон остался дрожать в тишине. Хизаши не мог одновременно закрыть уши и держать перед собой раскрытый веер. Голова закружилась, но не родился еще тот ёкай, который сможет победить его таким примитивным

колдовством. Хизаши со щелчком сложил веер и ударил им о ближайший древесный ствол. Рожденный им гул перебил очаровывающую музыку, и воздух застыл в ожидании бури.

– Молодой господин, отчего же вы так торопитесь покинуть меня? – проворковал нежный девичий голос, и белесая сеть заколыхалась, потревоженная движением огромного тяжелого тела. Трение хитиновых пластин друг о друга раздражало слух. – Неужели вы оставите несчастную девушку в глухом лесу одну-одинешеньку?

Капризные нотки в голосе незнакомки очаровали бы любого, но Хизаши лишь больше нахмурился, когда из мрака на него выплыло круглое белое лицо прекраснейшей из виденных им женщин. У нее были маленькие вишневые губки и гладкая жемчужная кожа. Черные пряди волос шевелились шелковыми лентами.

– Молодой господин, мне так страшно здесь одной! – воскликнула красавица, и из темноты к Хизаши потянулись две бледные руки, выглядывающие из широких кроваво-красных рукавов.

– Обманывай глупых крестьян, паучье отродье, – презрительно бросил ей Хизаши и взмахом веера прогнал вуаль чар, скрывающую истинный облик искусительницы. И вмиг ему открылась отвратительная картина – массивное паучье тело с круглым безобразным брюхом цеплялось покрытыми жестким ворсом суставчатыми ногами за растянутую поперек тропы паутину, а на нем покачивалась человеческая половина – обнаженная женщина с искаженным от ярости лицом. Два глаза человеческих, а третий, во лбу, горел алым светом, из открытого рта торчали изогнутые клыки-жвала, длинные нечесанные волосы змеились вокруг головы, как живые. Уродливую фигуру окутывало черное покрывало злой ки – Дзёро-гумо была на полпути к тому, чтобы стать демоном.

– Тебе не уйти, предатель! – взвизгнула она, и мягкое брюхо колыхнулось перед лицом Хизаши. – Никто не может снова стать человеком! Никто!

– Что ты об этом знаешь? Ты, мелкое насекомое, возомнившее себя невесть кем. Тебе не подняться выше головы.

– Мой хозяин дал мне силы! Эти мерзкие людишшки из школы думают, что смогут вечно держать нас на поводке! Мой хозяин обещал, что мы сожрем их всех. Всех! – она расхохоталась, но подавилась смехом, когда глаза Хизаши сверкнули золотом, и веер в его руках превратился в размытый серп, несущий смерть.

С неожиданной для такой массы скоростью паучиха избежала удара, и острая кромка разрежала паутину с середины и почти до самой земли. Капли росы брызнули во все стороны, трава и хвоя под ними зашипели и превратились в вонючую жижу.

Тень Дзёро-гумо мелькнула над головой, и Хизаши бросился в погоню. Почти все ёкаи мечтали пройти путь совершенствования и перейти на следующую ступень, став ками, и принимать людское поклонение взамен на помощь. Но были и те, кто опускался до уровня мелких демонов, и темная ки постепенно превращала их в настоящих монстров. Хизаши презирал их и считал за честь изгнать собственноручно. Гумо скрылась в темноте, а потом вдруг рухнула сверху, едва не придавив Хизаши рыхлым брюхом. Сочащиеся ядом жвала мелькнули перед глазами, Хизаши отскочил на безопасное расстояние и начал читать сдерживающее заклинание. Кровь впиталась в веер, и для мелких пауков он снова стал видим. Дзёро-гумо запрокинула голову и пронзительно завывала, призывая своих детенышей.

Времени на долгие приготовления не осталось.

Он закончил заклинание и прыгнул с ветки на спину паучихи. Она вскинулась всем телом, растопырила ноги, высекая щепки из деревьев, и парой верхних смогла скинуть Хизаши с себя. Ее женская половина приникла к нему, прижав к земле мягкими полными грудями, и дурно пахнущая пасть раскрылась. Хизаши вытерпел прикосновение длинного скользкого языка к щеке, не в силах отвернуться.

– Такая красивая форма, – проворковала Дзёро-гумо. – Я бы подарила тебе наслаждение, прежде чем съесть, но хозяин торопится.

Язык прошелся по скуле и нырнул под ворот нижнего кимоно. Хизаши все же содрогнулся от отвращения, и паучиха звонко рассмеялась. Ее женское тело затрепетало от смеха, но каким бы соблазнительным оно ни выглядело, Хизаши ни на миг не поддался.

– Кто твой хозяин? – спросил он.

Человеческие руки паучихи прошлись по его бокам, пока не нащупали свежую рану.

– А ты попробуй догадаться, предатель.

Хизаши закричал, когда жало верхней пары ног впилося в его тело, и яд проник в оставленную мечом рану. Нет, это тело не выдержит долгой битвы, и Хизаши произнес последнюю фразу заклинания.

Талисман на спине паучихи вспыхнул и слился с панцирем. Сначала глаза Дзёро-гумо удивленно распахнулись, а потом из раскрытого рта вырвался пронзительный вопль. Паучье туловище забилося в конвульсиях, сбивая ветви деревьев. Хизаши отполз подальше и из последних сил создал перед собой барьер. Жгучие плети опутали чудовище, причиняя невыносимую боль, но провести изгнание Хизаши уже не мог. Перед глазами все плыло, он поднялся с земли и, спотыкаясь, побрел прочь, все ускоряясь, пока не сорвался на бег, закончившийся внезапно. Из-под ног ушла земля, и он покатился вниз по крутому склону навстречу шуму бурного ручья.

Когда Хизаши снова открыл глаза, солнце только-только начало клониться к закату. В воздухе плавали запахи дыма и готовящейся еды – аромат человеческого жилья. Хизаши лежал без движения и пытался понять, где оказался и как это могло произойти. Последнее, что он помнил, ледяная вода, сомкнувшаяся над головой, горящая огнем грудь и удары о гладкие камни на дне ручья. Но раз уж сейчас рядом с людьми, должно быть, кто-то выловил его из ручья и принес домой.

Хизаши попробовал сесть, но слабые руки запутались в одеяле, и он обессиленно упал обратно на тощий фuton. Сквозь сомкнутые веки просачивался слабый свет, и не сразу Хизаши сообразил, что его глаза широко открыты, просто не могут различить деталей, все сливалось в одно.

Шлепанье босых ног по полу вырвало его из оцепенения.

– Господин, вы проснулись!

Громкий голос звоном отозвался в голове, и Хизаши поморщился. Незнакомая девушка пахла сухими травами и костром, и он решил пока ограничиться этими ощущениями. Его ки источилась настолько, что тело едва-едва справлялось с такой потерей.

– Выпейте это, – в руки сунули миску с чем-то горячим. – Не бойтесь, я умею лечить людей.

Улыбка, которая появилась на лице Хизаши, могла бы напугать, если бы он чувствовал себя лучше, но на девушку она не произвела никакого впечатления.

– Давайте я помогу. Осторожнее.

Ее пальцы сомкнулись на его и поднесли край миски к сухим губам. Отвар был горьким, обжигающим, но после него в груди потеплело, и осталось приятное пряное послевкусие. Казалось, оно было ему знакомо, и Хизаши на мгновение увидел руки, протягивающие ему точно такую же миску, исходящую ароматным паром, но воспоминание разбилось на осколки, не дав себя рассмотреть. Да и было ли это и впрямь воспоминание?

– Где я? – спросил Хизаши, когда последняя капля отвара осела в желудке горячей тяжестью.

– Деревня Оми.

– Деревня? В лесу Светлячков разве кто-то живет? – не поверил Хизаши. Зрение возвращалось к нему понемногу, и силуэт девушки, сидящей на коленях напротив него, обрел четкость.

– Господин не зря удивляется, – рассмеялась она. – В Оми всего несколько семей, когда-то наши предки нашли здесь приют. С тех пор мы не покидаем берега ручья.

Хизаши зажмурился и резко открыл глаза. Сначала было больно, но зато потом картинка сложилась, и он увидел перед собой совсем юную девушку в желто-оранжевом кимоно с простым узором и платком на голове. Ее лицо и руки загорели и потемнели, как у всех крестьянских женщин, с малолетства приученных к тяжелой работе. Насчет деревни она, возможно, и не обманула. Но Хизаши так и не смог полностью довериться людям.

– Сколько времени я спал?

– Весь день, от рассвета и до заката. Рыбаки принесли вас с первыми лучами солнца. А сразу после пришли и другие.

– Другие?

– Похожие на вас, – простодушно ответила девушка. – Они назвались оммёдзи, и староста попросил у них помощи.

Неужели его обнаружили? Так быстро! Он недооценил Дзисин и ее стремление замять еще одну неудобную для нее ситуацию. Хизаши скомкал в пальцах грубую ткань одеяла, и девушка спросила:

– Оммёдзи ведь помогают людям, так? Староста сказал, что это одна из трех великих школ.

– Какая именно?

– Ой, – стушевалась девушка. – Сейчас-сейчас. Она называется... Она называется... Вспомнила! Фусин.

Школа Сомнения – Фусин. Вторая из трех великих школ оммёдо. Принципы их работы, жизни и морали расписаны в невероятном количестве свитков, каждый шаг адепта Фусин регламентирован, каждое движение отточено, каждое слово – утверждено и одобрено старшими. В народе говорят, что они умеют видеть в душах людей и читать их помыслы, как открытую книгу. И порой действительно кажется, что строгие оммёдзи в черных одеждах с белоснежными воротничками способны выворачивать наизнанку и вытаскивать из человека правду, которую он стремится скрыть. По легенде основатель школы Фусин, Ёсидзава Рё, не обладал выдающимися магическими способностями, но славился своей честностью и неподкупностью. Однажды к нему пришли божественные посланники и попросили стать судьей в споре между ками и демоном. Любой бы на месте Ёсидзавы выбрал сторону ками, но он рассудил по справедливости и отдал победу демону. И так его доводы были убедительны, что никто не рискнул их опровергнуть. Демон предлагал разные дары Ёсидзава в благодарность, но тот все отвергал. И в итоге демон наградил его способностью видеть истинные помыслы людей.

Разумеется, в легендах вымысла больше, чем правды, однако девиз школы Фусин: истина дороже золота, а основополагающий принцип, спасение, нужно заслужить. Хизаши был хорошо знаком с ним, и память об этом наполняла его тревогой.

Девушка по имени Тамаки уже давно ушла, солнце утонуло в зеленом море деревьев, и деревня пришла в движение. Хизаши сидел на террасе приютившего его дома и прислушивался к звукам на площади.

Деревня и впрямь была маленькой, поэтому без труда затерялась в лесу. Едва ли о ней знал кто-то, кроме торговцев, которым они поставляли целебные травы для продажи. Хизаши за годы странствий повидал множество подобных мест и одну истину усвоил твердо – никто не станет уходить в добровольный затвор без цели. Кто-то выбирает отшельничество ради достижения просветления или отработки сложных техник, если обладает сильной ки. Некоторые в

одиночестве переживают горе или другие тяжелые времена. Но гораздо чаще люди прячутся от закона, человеческого или божественного. Следовало быть осторожнее – Хизаши за пару лет слишком привык, что его спина надежно защищена.

Его защита – Куматани Кента, но Кенты нет.

После захода солнца заметно похолодало, и запах воды и влажной листвы стал сильнее и навязчивее, пробиваясь даже сквозь дым разгоравшихся костров. Фусин никогда не бралась за дело, прежде не выяснив степень вины заказчика в происходящем. О знаменитых судах школы Сомнения ходило множество историй, в которых оммёдзи в черном представляли ничем не лучше демонов, от которых, как говорят, и пошла их удивительная прозорливость. Хизаши видел некоторые из них, и всякий раз поражался тому, насколько жестокими могут быть одни люди по отношению к другим. И все равно любопытство не позволяло ему вернуться на футон или, что было бы правильнее, немедленно бежать из деревни.

Вместо этого Хизаши отправился к площади в обход, чтобы издали понаблюдать за работой второй из трех великих школ оммёдо.

На площади уже повсюду полыхали рыжие пятна костров, заставляя вечернюю тьму отступать ближе к домам, где она превращалась в густой чернильный кисель, в который, казалось, можно погрузить руки. Хизаши притаился в ней, шуря глаза на яркое живое пламя. Искры снопами поднимались к небу вместе с горьким дымом. На тесной площади собрались все жители деревни Оми, среди которых женщин было гораздо больше мужчин. В одной из них Хизаши узнал свою спасительницу, Тамаки. Все они смотрели на пришлых колдунов – так в народе называли практикующих древнее искусство оммёдо, и Хизаши тоже посмотрел. По традиции вершитель суда облачался в белое, как противоположность остальным адептам, и доставал ритуальный деревянный меч – боккэн.

Боккэн в руках оммёдзи в белом кимоно был выструган из светлого дерева с легким розоватым отливом. Помощники выбранного судьи уже закончили приготовления для обряда, и двое из них держали в руках по барабану-вееру – учива-дайко¹². Когда они одновременно ударили по ним, Хизаши вздрогнул, но не от звука, а от вибрации в воздухе, рожденной объединенной ки целой группы оммёдзи. В этом была сила Фусин, они действительно могли читать человеческие души, но для этого им не нужен был демонический подарок, они использовали особые ритуалы и закликания, чтобы отыскивать затаенную правду.

Ритм барабанов учащался, костры плевались искрами, и фигура в белом, держа боккэн на вытянутых руках, читала заклинание. Еще один адепт Фусин вывел из толпы женщину с торчащими из-под платка седыми волосами. Однако сама она была совсем не стара, просто насмерть перепугана. Хизаши улавливал запах ее страха, и его сущность дрожала в предчувствии чего-то жуткого.

- Назови свое имя, – потребовал судья.
- На... Нанао, господин.
- Зачем ты искала помощи?
- Меня преследует зло!
- Ты готова принять истину, какой бы она ни была?

Ритуальные вопросы не менялись веками. Бедная женщина была и без того не в себе, непрекращающийся бой барабанов давил со всех сторон, огонь вспыхивал в ночи, и серьезные мрачные лица оммёдзи Фусин в отблесках костров казались масками. Они из театральных постановок.

---

¹² Учива-дайко – ритуальный веерообразный ручной барабан, представляет собой мембрану, натянутую на металлическое кольцо на ручке.

Деревянный меч мелькнул в воздухе и обрушился на ничего не понимающую женщину. Та взвизгнула, упала лицом в пыль и протяжно, на одной ноте, завывала. Боккэн застыл над ее головой, так и не коснувшись, но на тупой кромке меча выступили бурые капли.

Виновна.

Хизаши слышал о том, что ритуальный боккэн источал кровь, когда касался человека, отмеченного печатью злых сил, но ни разу не видел своими глазами. До этого дня. Что же такого могла совершить крестьянка в глухой деревне, чтобы боккэн так отреагировал?

Хизаши принялся изучать всех собравшихся людей, которые пришли в священный ужас и попадали на колени. Барабаны смолкли, и из-за спины судьи вдруг вышел еще один оммёдзи в черном, в его руке нацелился в темное небо длинный обоюдоострый наконечник нагинаты.

Учида Юдай.

Хуже сложиться просто не могло.

Хизаши шагнул назад, прячась, как змея в древесных корнях, а Учида меж тем что-то сказал своему сэмпаю – судья всегда был самым старшим в иерархии группы. И, кажется, услышанное ему не понравилось. До Хизаши донесся его громкий голос:

– Вы сами навлекли на себя беды. Мы ничем не можем помочь.

Седая женщина громко заголосила, и ее крики наложились на раскат грома. Небо стало еще темнее, тучи накрыли деревню, и грохот повторился, сотрясая землю. Хизаши нахмурился, но не из-за приближающегося дождя, своего извечного недруга, а из-за того, что приближалось вместе с ним. Кровь на деревянном мече отозвалась вовсе не на грехи бедной женщины, а на запах темной демонической энергии, которую поначалу Хизаши принял за последствия битвы с Дзёро-гумо – ее окружала такая же аура. Сейчас же запах надвигающейся грозы очистил его разум, и давящее ощущение сделалось невыносимым.

– Все по домам! – первым, нарушая все писанные и неписанные правила своей школы, закричал Учида Юдай. – Живо!

Громыхнуло. Люди повскакивали и сбились в кучу, точно стадо овец. Все костры вмиг погасли, и тьма упала так резко, что даже Хизаши на миг ослеп. Кимоно Фусин слилось по цвету с мраком, и лишь мелькали светлые овалы лиц. Молнии вспыхивали без остановки, рассекая ночь раскаленными ломаными лезвиями. Пронзительно завизжала женщина и бросилась, куда глаза глядят, остальные последовали ее примеру, и на площади начался настоящий хаос. Оммёдзи пытались остановить переполох, но тут порыв ледяного ветра донес со стороны леса гнилостный запах разложения, от земли поднялась пыль, закружилась серыми вихрями, зашумели деревья, и вороний крик предвестил приближение зла. Хизаши выхватил веер, однако не стал раскрывать, надеясь отсидеться и уйти незамеченным. Ради себя, ради Кенты он не должен попасться на глаза Фусин.

Вдруг стало так тихо, будто все вокруг застыло в оцепенении, но Хизаши чувствовал, как росло напряжение, как люди невольно сдерживали дыхание, пока чей-то громкий голос не пронзил ночь насквозь:

– Они здесь!

Площадь перестала казаться вымершей. Снова полыхнули костры, и оммёдзи принялись за работу. Двое отправились обходить дома, человек с боккэном сел на землю и стал читать заклинания очищения, пока остальные сооружали ловушку из талисманов. Хизаши чувствовал исходящую от них энергию как уколы раннего морозца в конце осени. И тут новый порыв ветра прижал пламя к земле и бросил пригоршню листьев в лицо колдунам.

Шорох, пришедший на смену грому, был Хизаши уже знаком. Его можно было спутать с шуршанием листвы на ветру, но точно так же поскрипывали одновременно сотни суставчатых ног, смертоносной черной волной несущихся к деревне. Любой, кто останется в ней, будет обречен.

Хизаши сунул руку за пазуху и выругался – готовых талисманов не осталось. Все, что он успел сделать до того, как аура зла накрыла деревню, это написать кровью слабый оберег на стене дома, делая безопасным совсем небольшой участок земли, да и то такая защита продержится в лучшем случае не более четверти часа. Тьма сделалась непроглядной, лишь красными точками пылали костры на площади, но мрак пожирал их свет, стоило отойти на пару шагов от жаркого кострища. Хизаши не мог спасти всех, но еще три года назад он не стал бы спасать никого. Сейчас же он мчался вперед, почти безоружный, но пытающийся изменить хоть что-нибудь. В темноте он столкнулся с кем-то и велел бежать в безопасное место. Еще один человек, второй, пятый. Хизаши остановился всего на миг, и волосы зашевелились на голове. Он обернулся и увидел, как нечто огромное появилось из-за деревьев за краем деревни. Чутье подсказывало, что это та же Дзёро-гумо, что он встретил накануне, но опознать в этом монстре обакэ-искусительницу было уже невозможно. Она выросла во много раз, и выглядела так, будто сразу несколько паучьих тел слиплись в одно, с нелепо торчащими в разные стороны длинными тонкими конечностями, каждое из которых заканчивалось изогнутым когтем, срезающим толстые сучья на пути, как катана разрубает плоть. Чудище выпрямилось на задних ногах и заревело, а из-под его тучного тела изверглась волна красноглазых пауков размером со взрослого кота.

Раздался стук барабана, и с другой стороны от Хизаши повеяло объединенной светлой ки. Не желая становиться между жертвой и охотниками, Хизаши в несколько длинных прыжков покинул центр площади и тут услышал женский крик. Из-за плотной завесы демонической энергии ничего не было видно, пришлось бежать на звук. По пути под острую кромку веера попало несколько верещащих тварей, и их вязкая горячая кровь заляпала хаори и капли попали на лицо.

– Помогите! – снова закричала женщина, и Хизаши показалось, что это голос Тамаки. – Спасите!

Хизаши пробежал через всю деревню и на окраине увидел Тамаки, забравшуюся на крышу старого колодца. Вокруг сужали кольцо с десятков пауков. Их исходящие ядом жвала непрестанно двигались, смыкаясь и размыкаясь с мерзким звуком. Тамаки уже перестала кричать, только надрывно плакала. Хизаши стряхнул с веера нечистую кровь, провел пальцами по глазам, произнося короткое заклинание, и тьма разошлась. Он отступил на шаг, наклонился вперед и веером медленно очертил перед собой круг. Пауки неуклюже развернулись к нему, привлеченные теплом его ки.

– Я, Мацумото Хизаши, изгоняю вас.

Первого он рассек в полете, разрезал надвое, второго отшвырнул далеко в сторону, третьего ослепил, четвертого лишил ног и раздавил. Пятый оказался умнее, и Хизаши пришлось несладко, отбиваясь сразу от нескольких тварей. Зрение начало мутиться, скоро все снова погрузится во мрак, но за это время надо успеть слишком много. Хизаши крутился в боевом танце, его обманчиво легкий и хрупкий веер порхал крылом белой бабочки.

Паук издал прощальный клекот и затих под подошвой гэта. Хизаши покачнулся от усталости и вдруг, оказавшись слишком близко к поверженному врагу, четко услышал:

– Ясухиро.

Снова это имя! Хизаши взмахом руки рассек паука на две части, повернулся к следующему, и его постигла та же участь. Казалось, этому не будет конца. Тьма не светлела, паучьи визги наполняли голову тяжестью. Хизаши отвлекся всего на миг, и летящий ему в лицо паук упал, сраженный вспышкой стали. Хизаши отшатнулся, и кто-то дернул его за ворот хаори, помогая устоять.

– Не смей отступать!

Хизаши повернулся к неожиданному соратнику спиной, и вскоре бой все-таки закончился. Девушки уже и след простыл, в окружении корчащихся трупов остались только они вдвоем.

– Кем бы ты ни был... – начал говорить Хизаши, но слова благодарности так и не слетели с языка. Человек рядом ловко крутанул в руках копьё, и сверкающее острие уперлось Хизаши в шею. Надави чуть сильнее, и тонкая кожа лопнет, заливая ворот кровью.

– Наказание за предательство – смерть.

Тьма милосердно скрывала выражение глаз Учиды Юдая, однако Хизаши не нужно было видеть, чтобы знать. Из всех оммёдзи, забредших в деревню Ома, помочь Хизаши пришел именно он. Он же и убьет.

– Да, я заслуживаю смерти, – согласился Хизаши, стараясь не обращать внимание на порез на горле. – Но Куматани Кента нет.

Лезвие отстранилось, и Хизаши выдохнул.

– Что с Куматани? – сурово спросил Учида. – И не вздумай лгать. Я еще не имею права носить боккэн, но чувствую, когда мне лгут.

– Мне нужно в Кёкан ради Кенты. Я верю, его еще можно спасти.

* * *

Дождь закончился утром, и под раскаленными лучами солнца влага испарялась из земли, порождая просто невыносимую жару. В траве вдоль дороги громко стрекотали цикады, грязь уже подсохла и покрылась растрескавшейся коркой, но если наступить, то нога погружалась в вязкую хлябь. Хакама идущего впереди Куматани уже была забрызгана по колено, но он, как обычно, не обращал на мелочи внимание, увлеченный однообразным пейзажем, раскинувшимся по обе стороны от дороги.

– Если бы ты не пожалел лошадь, мы бы сейчас катились в повозке, а не месили грязь, – проворчал Хизаши. Сил на то, чтобы ругаться, не было, и он уныло обмахивался веером, совершенно бесполезным во влажном зное без единого дуновения ветра. Чистое небо слепило своей синевой, а на много ри¹³ вокруг не виднелось даже намек на дерево и, следовательно, вожденную тень.

Кента легкомысленно пожал плечами.

– Ты же видел, какая она старая, Хизаши-кун? Если бы мы попросили возницу везти нас до самой деревни, она бы померла на полпути, и ее смерть была бы на нашей совести.

– Мертвая лошадь могла бы превратиться в злого духа, – заметил Мадока. – Я серьезно. Представляете себе призрачную лошадь, одержимую мстью?

Он немного отстал вместе с Сасаки Аратой, которому было тяжело поддерживать заданный Кентой темп.

– Пф, ты что, боишься злых духов? – хмыкнул Хизаши и обличающе ткнул веером в его сторону. – Да кто тебя тогда вообще пустил в Дзисин?

– А еще она могла бы стать сагари¹⁴, – пробормотал Арата и поёжился.

– Еще один трусишка на мою голову...

Куматани уже ушел довольно далеко и, обернувшись, помахал рукой.

– Скорее! Неужели вам совсем не интересно?

– Он чокнутый, – вздохнул Хизаши и пропустил вперед соучеников. Лично ему было совсем не любопытно, что на этот раз напугало крестьян в захолустной деревне. А вот на сагари бы он посмотрел, так что все-таки жаль, что они не взяли ту старую клячу.

– Мацумото, хэй! У тебя ноги в грязи застряли? Хочешь, понесу?

---

¹³ Ри – историческая японская мера длины, равная примерно 4 км.

¹⁴ Сагари – ёкай, который представляет собой живую голову мертвой лошади, висющую на дереве. Рождается, когда под деревом умирает от болезни лошадь и дух ее сливается с деревом.

Мадока гулко расхохотался над собственной незамысловатой шуткой, и Хизаши сердито щелкнул веером. Как же с людьми тяжело!

До деревни Суцумэ оставалось еще полдня пути. Им встретила телега, запряженная мулом, а в ней развалился человек в старомодной просторной одежде каригину – верхнем платье с длинными широкими рукавами с надрезанными плечами и цветных шароварах – и высокой шапочке эбоси. Сейчас так странно одевались только предсказатели.

Мадока презрительно фыркнул:

– Из Суцумэ катится, шарлатан. Наверняка кучу народа там обдурил своими дешевыми фокусами. Эти бродячие гадатели как саранча, везде раскиданы.

– Все гадатели принадлежат одному клану, – поправил Сасаки, – Кансэй. Просто у них образ жизни такой. Вольный.

Телега прокатилась мимо, и Хизаши проводил ее завистливым взглядом.

К вечеру безоблачное небо налилось зловещей синью, а воздух загустел и липкой пленкой оседал на коже. С погодой на юге провинции Мино творилось что-то ненормальное, словно боги решили наказать ее жителей жарой, в одночасье сменяющейся проливным холодным ливнем. За день собралось столько тепла, что гроза была неминуема, но от этого не менее ненавистна. Количество грязи, которое собрали новенькие гэта Хизаши, сделало бы счастливой самую привередливую столичную свинью, но никак не его самого. Он был в ярости.

– Смотрите, впереди ворота! – первым крикнул зоркий Мадока. Деревня, в которую их группу отправили несколько дней назад, оказалась довольно крупным поселением, окруженным высоким забором. Кента проверил, на месте ли грамоты, подписанные главой школы, и снова убрал их за пазуху.

– Отлично, – кивнул он с неизменной улыбкой. – До дождя точно успеем.

Они дружно прибавили шагу, но за пару дзё до ворот с неба все-таки хлынули потоки воды, превращая землю под ногами в трясину и насквозь вымачивая одежду и волосы. Да еще и на сторожевой башне не сразу заметили путников, и пока створки медленно раскрывались, Хизаши чувствовал себя в большей степени рыбой, чем человеком. Хотя он и человеком-то до конца себя осознать не успел.

– Мы ученики оммёдзи из школы Дзисин. Меня зовут Куматани Кента, это Мацумото Хизаши, Мадока Джун и Сасаки Арата, – представил их Кента и протянул бумаги. – У вас буйствует нечисть?

Вообще-то среди оммёдзи не принято было употреблять это слово, но простым людям так было понятнее. Хизаши потеснил мелкого Арату и встал рядом с Кентой.

– Можно побыстрее? Мы устали и промокли. Все еще мокнем. А с вашими вопросами разберемся после ужина.

И в кои-то веки все, пусть и молчаливо, его поддержали, а у здоровяка Мадоки еще и в животе заурчало так громко, что даже шум дождя не смог заглушить этого жуткого звука.

– Конечно, конечно, – зачастил встречающий их пожилой сухопарый мужчина, назвавшийся деревенским главой по фамилии Ито. – Сейчас все будет в лучшем виде, господа оммёдзи. Сейчас все будет. Не извольте беспокоиться.

При этом беспрестанно кланялся, однако Хизаши удалось пару раз заглянуть ему в лицо. Длинное и болезненно серое – похоже, этого бедолагу терзает давний недуг или тревога, не дающая спать по ночам. Своими наблюдениями Хизаши, конечно, ни с кем не поделился и молча проследовал за деревенским главой сквозь пустое селение.

В такой ливень никто не стал бы выходить из дома, даже собаки притихли в своих конурах. Ито-сан держал над Кентой зонт, интуитивно выделив его как более значимую персону, нежели остальные, ведь грамота из Дзисин была у него. Хизаши, Мадоке и Сасаки пришлось мокнуть до самого порога дома, который освободили специально для них.

– Что за хибара? – не стал сдерживаться Хизаши и укоризненно ткнул в покосившуюся крышу пальцем. – Вы хотите, чтобы нас похоронило до начала работы?

Ито вдруг рухнул на колени и распластался в жидкой грязи, вытянув перед собой руки.

– Простите, господин оммёдзи! В деревне нет других свободных мест! Для Суцумэ настали тяжелые времена...

Кента ринулся поднимать причитающего главу, а Арата поднял упавший зонт, отряхнул и поднял над его головой.

– Не будем обсуждать это сейчас, – сказал Кента, и стало ясно, что потом они об этом обязательно поговорят. – Мы с благодарностью переночуем здесь, Ито-сан. Спасибо вам за заботу.

В животе у Мадоки снова заурчало. Он сконфуженно накрыл его ладонью и попятился.

– Я распоряжусь, чтобы женщины принесли свежего риса и саке, – оживился глава, которому не терпелось сбежать от важных гостей.

– Подождите, – остановил его Кента. – Кто-то может ввести нас в курс дела?

– Ааа... Моя дочь.... Да, моя дочь справится.

Больше Куматани не стал его держать.

Внутри жилище оказалось совсем заброшенным, циновки пропитались пылью, из щелей в стенах сквозило холодом, стропила под крышей поскрипывали от ветра снаружи, песок в очаге-ирори в центре был холодным и темным. Сасаки достал огненный офуда, и картина стала яснее и оттого еще печальнее.

– Здесь сто лет никто не жил, – Хизаши брезгливо поморщился. – Гадость.

– Чистоплюй, – фыркнул Мадока, бросил узел с вещами на пол. – Скажи еще, что не ляжешь на футон, будешь спать стоя, как лошадь.

– Если футон такой же грязный, как твой язык, то мне и стоя удобно.

Пока они препирались, Кента разжег огонь в очаге, и Хизаши нарочито повернулся спиной к Мадоке и лицом к теплу. Он не любил холод, не любил сырость, но первыми в списке стояли люди, особенно такие скользкие, как этот деревенский глава Ито.

– Ты странно смотрел на старосту.

Куматани закончил раздувать пламя и теперь пристально изучал Хизаши.

– Он мерзкий. И лжец.

– С чего ты это взял?

– Он специально поселил нас в самой ветхой хибаре, чтобы показать, как в деревне все плохо. А вот сам Ито-сан не бедствует. Как и вся деревня, насколько я могу судить.

Мадока перестал копошиться, раскладывая тонкий вонючий футон подальше от сквозняков, и подошел к очагу.

– А ведь Мацумото прав.

Они переглянулись, и Хизаши нехотя кивнул ему.

– Ограждение.

– Именно, – Мадока пояснил специально для ничего не понимающего Араты, все еще стесняющегося принимать участие в общих обсуждениях. – Забор вокруг деревни довольно новый, построен на совесть, ворота крепкие, а караульные больше похожи на солдат, чем на крестьян.

– Откуда у бедной деревеньки столько средств на охрану, да и зачем она им понадобилась? – продолжил Хизаши. – Разве не лучше было бы потратить деньги на тот же рис для всех голодающих?

– Но зачем деревенскому главе нам лгать? – удивился Кента.

– Чтобы выпросить скидку?

– Оплату все равно берем не мы, а люди из местного управления Дзисин, так что давить на жалость нет смысла.

- Может... – вдруг подал голос Арата и смущенно замолк.
- Говори уже, смелее, – подбодрил его Кента.
- Староста мог и не лгать о бедности. Просто... Ограда вокруг деревни могла быть нужна из-за угрозы войны или... Или если деревенские готовились защищаться от чего-то другого. Мадок ударил кулаком по раскрытой ладони.
- Да! А потом у них не вышло, и они пригласили нас.
- Хизаши громко фыркнул:
- А ты не такой идиот, каким выглядишь.
- Ребята, прекратите, – попросил Кента. – Мы должны быть командой, в этом смысл задания, которое нам поручили.
- Я бы предпочел работать в одиночку, – ответил Хизаши. – На крайний случай, тебя бы вполне хватило для подстраховки.
- В одиночку работают только мастера, а мы и года не отучились.
- Разговор прервался стуком в дверь. Куматани впустил в дом юную девушку с завернутым в узел бэнто.
- Меня зовут Ито Марико, – она низко поклонилась, не поднимаясь с колен, – отец послал меня накормить вас и ответить на вопросы. Пожалуйста, спрашивайте.
- Горячий рис гораздо больше интересовал Мадок, нежели детали загадочных событий в Суцумэ, и он голодным взглядом уставился на Кенту.
- Хорошо, – кивнул тот, – сначала поужинаем. Марико-тян, присоединишься?
- Она замотала головой, и пока они раскладывали рис по глиняным мискам, с любопытством изучала колдунов, о которых наверняка слышала много пугающих историй. Ее взгляд нет-нет, да останавливался на шее Куматани, которую оборачивала нитка агатовых бусин. Вероятно, в женских глазах это делало Кенту интересным, и Марико терзалась от любопытства и одновременно стеснения. Хизаши больше по вкусу были ее неподдельные эмоции, нежели переваренный рис, утративший весь свой вкус. Разве что саке было отличным. Марико под села к нему поближе и подлила еще.
- Вы приехали из столицы? – спросила она. – Вы видели сёгуна? Какой он?
- Вообще-то наша школа... – начал Кента, но Мадок подмигнул ему и выпятил грудь перед красавицей.
- Сёгун лично хвалил нас... нашу школу за защиту невинных людей от сил зла.
- Значит, вы и императора видели! А правду говорят, что наш тэнно¹⁵ давно мертв, а на его месте сидит деревянная кукла?
- Марико простодушно распахнула глаза, внимая каждому слову Мадоки, так что тому сделалось стыдно за свое наглое вранье.
- Ну... Да нет, живой он вроде.
- Кента многозначительно кашлянул в кулак и улыбнулся зардевшейся девушке.
- Сёгун далеко, а беда всегда близко. Расскажи-ка нам, что у вас тут в деревне творится?
- Марико побледнела, и в помещении будто бы даже похолодало, хотя огонь жарко пылал, и от очага шло ровное успокаивающее тепло. Запах сырости начал отступать под его напором, лишь за опущенными ставнями единственного окна монотонно шуршал дождь. Сасаки Арата боязливо обернулся через плечо, но это всего лишь скрипела ветхая крыша. Марико сложила ладони на коленях и вздохнула.
- Сначала в доме семьи Танака дети стали жаловаться, будто бы по ночам кто-то хватается за ноги. И правда ведь поутру синяки находили. Жуть такая, наверняка проклятие какое-то, или демоны пристали.
- У вас есть поблизости святилище ками или буддийский храм?

---

¹⁵ Тэнно – буквально означает «небесный государь», используется по отношению к императору.

– Святилище... Да, было святилище, только туда не ходит давно никто.

– Это плохо, – покачал головой Кента. – Ками будут защищать землю и людей до тех пор, пока те о них помнят и приносят дары. Иначе можно вместо покровителя приманить что-нибудь нехоршее.

– На намоленном месте пусто не бывает, – значимо добавил Мадока. – Эх вы, деревня...

Хизаши сидел ближе всех к очагу и лениво крутил в пальцах пустую пиалу. Пришедшие с ним люди хоть и изрядно раздражали, не зря попали в лучшую школу оммёдо во всей Ямато. Совсем уж дураками они не были и могли мыслить здраво. Фактически люди сами создавали добрых ками – любой, даже слабенький, ёкай может вознестись до уровня божества-покровителя, если люди будут поклоняться ему и приносить подношения. Но возможно и обратное. Если забросить святилище или осквернить его, ками может обернуться акумой – мелким демоном, зловредной нечистью по-простому, а там уже и до демона недалеко.

– Люди ничему не учатся, – пробормотал он, поставил пиалу на пол перед собой и спрятал холодные руки в рукава просторного хаори, только вот теплее не стало, ведь дорогая пурпурная ткань давно и безнадежно промокла.

– Так что там дальше? – вернулся Кента к делу.

– Потом та же напасть и у семьи Сато приключилась, – ответила Марико. – Самый младший ребенок едва не задохнулся во сне, отец сам видел следы длинных пальцев на его шейке.

– Эти семьи родственники?

– В Суцумэ почти все друг другу дальние родичи.

– Это все?

– Нет, господин. Самое страшное случилось в последней семье, Сакума. Жена его была на сносях, и вдруг увидела, как из стены появляется жуткая рука и тянется к ее животу. От ужаса бедняжка занемогла и разродилась раньше времени мертвым младенцем. Потому отец и послал гонца за помощью.

Хизаши история не впечатлила, и он украдкой посматривал за реакцией товарищей. Мадока насупился, Арата поежился, а Кента поджал губы.

– Утром мы проведем семью Сакума.

– Я вас провожу.

– Не нужно. Деревня не Киото, мы как-нибудь сами. Заодно осмотримся.

Лицо девушки просветлело.

– Вы будете колдовать?

– Пф, – вырвалось у Хизаши. – Простите.

– У нас свои методы, – ушел от ответа Кента. – Уже поздно, тебе лучше вернуться домой, Марико-тян, спасибо за еду.

Когда за ней закрылась дверь, шум дождя ворвался в дом, а после снова отдалился, Куматани сразу же отчитал Хизаши:

– Если ты будешь вести себя так с людьми, никогда не получишь от них правдивых ответов.

– Мы и так не получим от них правдивых ответов.

– Не думаю, что Марико-тян лгала.

– Она, может, и нет, но чьи слова она пересказывала, а? Своего отца.

– Неужели Ито-сан нас обманул? – совершенно искренне ужаснулся Арата, и Хизаши захотелось схватиться за голову от его наивности. Вместо этого он отвернулся к огню и блаженно сощурился.

– Ладно, мы устали и замерзли, – пошел на мировую Куматани. – Давайте снимем верхнюю одежду и просушим, а потом ляжем спать.

Шорох дождя убаюкивал, как и треск пламени, и вскоре спутники Хизаши заснули, их дыхание выравнилось, стало глубоким и медленным. По полу гулял сквозняк, и чудо, что

крыша не протекала, иначе Хизаши проклял бы это место вместе со всеми его жителями, однако со временем он научился сдерживать гнев. Глядя в потолок с гроздьями паутины, он не мог уснуть и прислушивался к ночным звукам. Человеческое жилище никогда не пустовало полностью, рядом с людьми, будучи невидимыми глазу, обитали самые разнообразные существа. Так же, как и Хизаши сейчас, они научились жить с ними в гармонии, помогать или хотя бы сильно не вредить. Но в этом доме не было следа даже дзасики-вараси, а значит, им пришлось уйти вслед за домочадцами. Или просто уйти, если те умерли и никого не оставили после себя.

Хизаши перевернулся на бок и встретился в темноте с открытыми глазами Куматани Кенты, в которых плясали красные отблески огня.

– О чем ты думаешь? – спросил Кента. Их футоны лежали рядом, почти впритык, и не приходилось бояться, что громкие голоса разбудят остальных. – С первых слов Мариико-тян ты погрузился в себя. Тебя что-то смущает?

– Холод, – буркнул Хизаши. – Дождь. Сырость. Грязь. Мне продолжать?

– Мадоку ты можешь сбить с толку, но меня – нет.

И посмотрел так, будто видел насквозь, вот только если бы действительно видел, не лежал бы рядом – можно коснуться рукой, – а уже тянулся бы за Имой.

– Много слов, – хмыкнул Хизаши. – Неужели ты сам не чувствуешь подвоха? Готов поспорить, даже Сасаки, если перестанет трястись от всего подряд, заметит, как нас водят за нос.

– В таком случае, завтра мы во всем разберемся. Нельзя опозорить школу.

– К демонам школу. Но я бы посмотрел, как потеет староста, пытаясь оправдаться.

Кента укоризненно покачал бы головой, если бы не лежал.

– Возможно, нам стоит разделиться. Кто-то пойдет со мной в дом Сакума, а кто-то погуляет по деревне и разузнает слухи о пострадавших семьях и о доме, где нас поселили.

– Ты тоже их не видишь?

– Здесь пусто. Совершенно.

Мадока перевернулся с боку на бок, и его храп сделался совершенно невыносимым, от него вибрировали стены, и даже дождь, кажется, удивленно затих, чтобы замолотить по крыше с удвоенной силой.

– Хочешь пойти со мной?

Хизаши лег обратно на спину и скрестил руки на груди.

– Не знаю. Возможно.

Скосив взгляд, он увидел, что Кента широко улыбается. От этой улыбки сводило внутренности, Хизаши будто разрывало на две половины, одну человеческую, ищущую тепла другого человека, и ту, которая принадлежала иному миру.

– Хизаши-кун, – тихо позвал Кента, – я очень надеюсь на твою помощь завтра.

Хизаши передернуло, и он молча отвернулся, щурясь на затухающий огонь.

Все лгут. Эта простая в своей сути истина открылась Хизаши далеко не сразу, можно даже сказать, слишком поздно. Он наблюдал мир смертных со стороны и восхищался им. Имея такие короткие жизни и такие слабые силы, люди строили храмы, создавали музыку и развязывали войны, и след, который они оставляли после себя, казался Хизаши более славным, чем тот, что очерчивало в пыли покрытое серебряной чешуей тело Хизаши. И однажды у него спросили – разве ты этого хочешь? Разве ты хочешь скрываться в древесных корнях веками, не видимый никем, кроме тех, кто сразу же захочет тебя убить?

Хизаши дал верный ответ. По крайней мере, тогда ему так казалось. Но все лгут, и иногда даже сами себе.

Отчаявшись уснуть и продрогнув до костей, Хизаши осторожно поднялся и вышел на порог. Дождь почти перестал, лишь с крыши срывались тяжелые капли, ловящие слабый лун-

ный свет, да где-то в темноте лило из кривого водостока. Деревня замерла до рассвета, и эта мертвая тишина была тревожной, царапающей нервы. Хизаши спустился со ступеней и застыл в шаге от грязной лужи, в которой отражалось небо.

И что-то еще.

Хизаши мгновенно развернулся, но за скатом крыши мелькнула тень и пропала. Кто бы ни следил за приглашенными оммёдзи, он уже знал, кто они и где их искать.

* * *

С рассветом деревня Суцумэ ожила.

Хизаши разбудили звуки с улицы, а следом за этим заскрипела оконная ставня. На лицо упал навязчивый солнечный свет, его загородила спина Куматани, подпирающего ставню палкой, а потом свет снова ворвался в хижину, безжалостно прогоняя приятную утреннюю дрему. Хизаши попытался отползти подальше, одновременно с этим пряча лицо за рукавами кимоно, но громоподобные шаги вернувшегося с улицы Мадоки прогремели в ушах, как поступь самого Райдзина¹⁶.

– Я принес кое-что перекусить, – сказал он и протопал мимо Хизаши, едва не отдавив ему ногу. – Налетайте. Домашняя еда самая вкусная.

От короба пахло омлетом и супом с мисо, даже Хизаши не смог противиться и перестал притворяться спящим.

Кента сел рядом и взялся за палочки.

– Приятного аппетита!

Его извечная бодрость по утрам действовала на нервы. Хизаши хотелось свернуться кольцами где-нибудь в темном уголке и полежать там, пока солнце не войдет в зенит, а тогда можно будет погреться на теплом камне.

– Что с Мацумото? – ворвался в мысли громкий голос Мадоки. – Он сейчас слюни пускать начнет.

– Однажды я тебя прокляну, – пообещал Хизаши и взял горячую плошку с супом.

– За это школа вынесет тебе суровое наказание, – напомнил Кента. – Когда ты в прошлый раз подбросил Нобута и его компании того шикигами, с тобой обошлись еще мягко.

Пальцы Сасаки дрогнули, и кусочек рыбы упал на колени.

– Это было из-за меня...

– Это было из-за того, что Нобута хотел слишком многого, – возразил Хизаши. – Если бы он обладал хоть сотой частью приписываемых ему талантов, отличил бы иллюзию на бумажной кукле от настоящего сиримэ¹⁷.

– Он убегал в таком ужасе, что сбил с ног сэнсэя, – хохотнул Мадока. Тогда они придумали этот розыгрыш вместе, даже Кента участвовал, потому что мерзкий Нобута со своими прихлебателями успели у всех попить крови. Куматани, парень из лесной деревни, уж точно не был исключением.

– В этом вся суть, – не мог не улыбнуться Кента.

– Нет уж, суть была в том, что Мацумото пытался тебя подставить.

Хизаши сделал вид, что он тут не при чем и продолжил есть как ни в чем не бывало. Да, он и впрямь тогда заявил, что шикигами принадлежал Куматани и идея была его. Не рассчитал только, что Мадока и Сасаки в один голос признают свою вину, так что под недельное наказание попали все четверо.

---

¹⁶ Райдзин – бог грома в синтоистской религии.

¹⁷ Сиримэ – ёкай весьма необычного вида, он имеет глаз на месте анального отверстия, которым пугает припозднившихся путников. Буквально переводится как «глаз и ягодицы».

- Кто идет со мной к семье Сакума?
- Я, – первым вызвался Мадока. – Вдруг понадобится силовое прикрытие.
- Будешь махать кулаками перед акумой? – спросил Хизаши.
- Тогда ты иди.
- Ну уж нет. Я сам по себе.

Хизаши доел, оставил посуду и поднялся.

– Возьми с собой Арату, – попросил Кента, но ни Хизаши, ни сам Арата не обрадовались, однако по разным причинам.

– Пусть сидит тут и медитирует, – отмахнулся Хизаши. – Как ты там говорил? Целитель нужнее всего в тылу?

- Это не я говорил, – вздохнул Кента. – Это говорил Морикава.
- У него очень скучные уроки.
- Хизаши-кун!
- Я ушел.

Избавившись от компании, Хизаши первым делом отправился на поиски ёкаев, живущих рядом с людьми. Таких, на самом деле, было гораздо больше, чем люди себе представляли, а многих они создавали сами, например, цукумогами¹⁸. Деревенские жители настороженно провожали взглядами незнакомца в красивой одежде и с волосами, собранными в высокий хвост – такого ни за что не примешь за бродячего торговца или крестьянина. Поигрывая веером, он пересек деревню и остановился перед высоким частоколом из плотно сбитых бревен.

Мадока прав, да и Сасаки, как бы жалко ни блеял, тоже обратил внимание на главное: забор был новым, даже казалось, что от него еще исходит запах свежеструганной древесины. И безумно дорогим для селения, староста которого поселил оммёджи едва ли не в руинах. Зачем нужна такая крепкая защита? Даймё этих земель в последние годы не стремился к захвату новых территорий, активных военных действий тут не велось, и Хизаши понятия не имел, чего еще могли бояться люди. Разбойников? Диких зверей? Демонов?

Хизаши поскреб дерево ногтем и усмехнулся. Ни капли чар, совершенно обычный, заурядный забор.

Пройдя по периметру, он остановился и принялся. Пахло странно, не деревом, дымом или человеком, но и на демоническую ауру тоже не походило. Хизаши поморщился, запах был раздражающим, как облако пыли, забивающее нос. Он отмахнулся веером и повернул назад. Стоило начать день с составления гороскопа, потому что чутье подсказывало, что все гораздо сложнее, чем происки шаловливого ёкая или даже смертельное проклятие.

- Сакума, – бросил он первому же встреченному на пути человеку. – Где?
- Т... т... туда, господин.

Хизаши, не удостоив нищенку взглядом, поспешил в указанном направлении. Нужное строение узнал сразу, дом последней пострадавшей семьи выделялся размерами и новизной. И у него уж точно по ночам не скрипела крыша и из оконной рамы не тянуло холодом. А вот осорэ¹⁹ тянуло, и отрицательные эманации плотнее всего были внутри, и Хизаши, небрежно раскидав гэта у порога, ворвался в дом.

Из-за сёдзи доносилось мерное бормотание Куматани, который читал заклинание сдерживания злого духа. Голос его ни разу не поднялся и не затих, ки текла ровно, но слишком слабо и поэтому тонула в осорэ, как капля в чашке чая. Хизаши аккуратно, чтобы не потревожить печати барьера, отодвинул дверь и вошел. Ощущение обиды и горечи можно было увидеть глазом, они были похожи на грязно-зеленую дымку, сгущающуюся в облако у самой дальней

---

¹⁸ Цукумогами – духи оживших старых вещей, получают из артефактов при достижении ими определенного возраста (чаще всего, 100 лет). Есть очень много разновидностей цукумогами.

¹⁹ Осорэ – многозначное понятие, в данном произведении понимается как зловещая аура, которая концентрируется вокруг ёкая, иными словами, аура страха.

перегородки. Хизаши нашел взглядом бледного Мадоку, который сидел на полу и прижимал к груди руку, а потом остановился на фигуре Куматани. Он перебирал четки, и бусины ударялись одна о другую, усиливая действие заклинания.

– ... рин, бёу, тоу, ся, кай, дзин, рэцу, дзай, дзэн. Рин, бёу, тоу, ся, кай, дзин, рэцу, дзай, дзэн²⁰...

Хизаши взгляделся в сгусток осорэ и увидел человеческую руку, иссохшую, сморщенную и потемневшую. Она плавно двигалась, подзывая наивную жертву, длинные пальцы шевелились подобно водорослям в текущей воде.

Куматани вдруг сбился, и призрачная рука растопырила пальцы и рванулась из стены, метя ему в лицо. Има покоилась за поясом, и, занятый четками, Кента не успевал ее обнажить. Мадока схватился за меч, и Хизаши, выхватив веер, быстро начертил в воздухе решетку-доуман. Отражающее заклятие столкнулось со злым духом и оказалось сильнее. Дымка осорэ на миг поредела, и стал виден остов человеческой руки, пытающийся спрятаться внутри перегородки.

– Сейчас! – приказал Хизаши, и Кента вытянул руку, второй обхватил ее за запястье и направил ки на цель.

– Кай!

– Мэц! – почти одновременно с ним выкрикнул Хизаши и взмахнул раскрытым веером. Дух призрачной руки заметался, но двойное заклинание уничтожения упало на него раскаленной пентаграммой, и все было кончено.

Кента выдохнул, ссутулив спину, свечение ки в его глазах, делающее их похожими на спелую вишню, погасло. Он едва не упал, успел схватиться за плечо Хизаши.

– Джун, проверь, как она там.

Мадока вздрогнул, но подчинился. Зло развеялось, осталась лишь человеческая кисть без плоти и крови, только пожелтевшие кости. Мадока пнул их носком таби и сразу отскочил.

– Смотреть на это не могу, – вздохнул Хизаши. – Рука? Seriously? В следующий раз нас пошлют изгнать дух безымянного пальца?

Куматани выпрямился и без его помощи подошел к костям.

– Почему только рука?

– Ее отрубили, и она озлобилась? – предположил Мадока и потер собственную кисть.

– Может быть. Надо забрать ее с собой.

Кента наклеил на кости талисманы и осторожно убрал в мешочек. Предстояло еще объяснить ситуацию перепуганному семейству Сакума и обсудить между собой. Хизаши посматривал на мешочек и уже знал, что стоит спросить в первую очередь.

Глава семейства был уже немолодым мужчиной с потухшим взглядом, его супруга все еще не могла подняться с постели, с ней оставалась старшая из дочерей, а два сына сидели с отцом перед оммёдзи, которые были лишь на несколько весен старше.

– Нас прокляли? – первым делом спросил Сакума-старший. – Какой подлец это сделал?

– Дело не в проклятии, – мягко ответил Кента, незаметным жестом прося Хизаши пока не вмешиваться. – У вас красивый дом. Скажите, давно вы его построили?

– Дом? – растерялся Сакума. – Он достался мне от родителей, а тем от их родителей. Но по весне кое-что пришлось ремонтировать.

– Той же древесиной, что пошла на ограду для деревни? – спросил Хизаши.

– Что? Нет... Нет, мы срубили старое дерево на северной стороне.

– Мы?

---

²⁰ Самое известное боевое заклинание от демонов, примерный перевод «все, что движется ко мне, пусть движется от меня».

Хизаши вопреки всем правилам приличия поднялся, повернулся к хозяину спиной и медленно прошелся по комнате, скользя пальцем по перегородкам. В этом жилище тоже не было дзасики-вараси, хранители дома ушли, бросили все, будто их прогнали или очень сильно напугали.

– Дерево было очень большое, – словно оправдываясь, ответил Сакума.

– Но не такое уж старое, – заметил Мадока, до этого напряженно молчавший.

– Деревенский глава сказал, что мы можем его использовать.

– И снова глава, – пробормотал Хизаши и потерял интерес к беседе. То, что надо, он уже понял, теперь пора было действовать.

– Мацумото! – яростно прошипел Мадока вслед Хизаши, а тот уже добрался до порога и быстро влез в как попало сброшенные гэта. И, что удивительно, вскоре он услышал позади топот шагов.

– Мацумото, ты свинья, – Мадока весь покраснел и с трудом держал себя в руках. – Нас впервые отправили на такое важное задание, а ты... Ты...

– Свинья? – подсказал Хизаши. – Для вежливых бесед у нас есть Куматани и Сасаки, к чему торчать там всем четверым?

– Потому что нельзя подрывать авторитет Дзисин!

Мадока все-таки поравнялся с Хизаши, схватил его за отворот кимоно и дернул на себя. Хизаши пришлось наклониться, чтобы Мадоке было удобно рычать ему прямо в лицо.

– Хочешь ударить? – оскалился Хизаши. – На что еще годится сын бывшего даймё.

Широкое лицо Мадоки угрожающе побагровело, и тут позади раздался голос Куматани.

– Я собираюсь закончить расследование, а вы можете продолжать ругаться, если это то, что у вас получается лучше всего.

Он, не останавливаясь, прошел мимо, за ним вприпрыжку проскакал Арата, при этом так низко опуская голову, словно хотел провалиться сквозь землю. Пальцы Мадоки разжались, и он, по-лошадиному фыркнув, пошел следом за ними. Хизаши такое отношение ничуть не смущало, он спокойно поправил одежду и, обмахиваясь веером, продолжил путь.

Деревня занимала не слишком большую площадь, но даже так заселена оказалась весьма скудно. Дома стояли далеко друг от друга, окруженные хозяйственными постройками. Между ними бегали чумазные дети, но даже их смех и громкие голоса не придавали Суцумэ жилой вид. Хизаши не нравилось это ощущение, он не знал источника беды, а группа соучеников только тормозила его. Он с раздражением закрыл веер и вдруг споткнулся.

Впереди чувствовалась энергия смерти. Смерти старой и страшной, успевшей сгуститься настолько, что легко могла породить злого духа. Собственно, она уже это сделала.

– Какой ужас, – выдохнул Сасаки и прикрыл нижнюю половину лица ладонями. Хизаши не стал над ним потешаться, вместо этого поступил похожим образом – спрятал лицо до самых глаз за раскрытым веером, так притаившееся зло будет иметь над ними меньше власти. У оммёдзи постарше были изготовленные по заказу ритуальные маски, ученики обходились тем, что имели.

– Она уходит под землю, – Куматани подошел ближе и опустил на одно колено, пачкая хакама в грязи. Заткнутая за пояс Има вздрогнула, заключенному в меч духу здесь не нравилось. – Надо проверить.

Он достал мешочек и ослабил тесемки. Хизаши нашел место почище и встал там, привалившись спиной к дереву. Куматани никогда не останавливался, даже если все летело к ним в пасть, умудряясь не только не терять головы, но и оставаться возмутительно мягким и сопереживающим даже по отношению к тем, кого изгонял. Вот и сейчас он позволил руке вести их.

Хизаши подождал немного, а потом пошел за ними, пока не оказался напротив уродливого пня, похожего на старый зуб с обломанными краями. Внутри него была гниль и чернота, невидимая обычным людям. Чернильно-черные щупальца, сквозь которые просвечивали

останки мертвого дерева, лезли наружу, оплетали пень, оскверняя все, к чему прикасались. Это не первый злой дух, родившийся из обиды, но Хизаши не оставляло чувство, что не все так очевидно. Кента произнес формулу активации и с силой впечатал бумажный талисман прямо в центр черноты. Бумажка вспыхнула слабым красным огнем и в мгновение ока истлела.

– Да ладно, – пробурчал Мадока. – Кто посылает учеников на борьбу с акумой?

– Ты так уверен, что это акума? – спросил Хизаши.

– Я не прогуливал занятия. Для злого духа темная энергия слишком сильна и не ослабла после ритуала Куматани, значит, это не злой дух и уж точно не какой-нибудь ёкай, потому что не имеет физического воплощения. А в иерархии существ, подлежащих изгнанию, следом за злыми духами идут мелкие демоны, акума. К тому же талисман сгорел красным огнем, но не слишком ярким. Какие еще нужны подтверждения?

Хизаши промолчал. Мадока мыслил не шире курицы, хоть и исправно посещал все занятия в Дзисин, ему бы и в голову не пришло подумать над вариантами, которые не озвучивали учителя в школе.

– Подождите, – остановил их Куматани. – Арата, тебе есть, что сказать?

А его вообще можно было не спрашивать, впрочем, Сасаки в любом случае замотал головой. Куматани выпрямился и закрепил рукава кимоно за спиной.

– Что ты собираешься делать? – спросил Мадока.

– Копать.

Хизаши одобрительно покивал, но от работы уклонился, устроившись на солнце и обмахиваясь веером, пока Кента и Мадока рылись в земле, потихоньку обнажая уродливые коричневые змеи корни. Когда мотыга рассекла один, из него вытекла дурно пахнущая гнилая кровь.

– Светлые Kami! – Мадоку перекошило. – Что это такое?

Куматани продолжил копать, будто ничего необычного не происходило. Хизаши с любопытством поглядывал на его широкую спину, сгибающуюся над зловещим пнем. До чего все-таки забавный человек этот Куматани Кента, похожий на молодое дерево, радующее взор и дарящее тень всем желающим, но внутри, Хизаши не сомневался, пряталось такое же гнилое черное нутро. Иначе не бывает.

Рука с веером замерла и снова плавно задвигалась, разгоняя горячий от влажных испарений воздух. Сладковатый запах зла – мертвые лилии и большая плоть – щекотал ноздри. Хизаши нахмурился и тут заметил, что Сасаки куда-то пропал. Только что топтался рядом, привычно бесполезный и тихий, и вот его нет. Хизаши поднялся с мягкой травы и проследил взглядом за удаляющейся щуплой фигурой Араты.

– А это уже любопытно, – сам себе сказал Хизаши и пошел за ним.

Северная окраина деревни была и вовсе не заселена, осталась только пара заброшенных хибар, оттого и деревья так разрослись. Сасаки двигался напрямик к забору, пока не уперся в него носом. Хизаши перестал скрываться и напугал беднягу до полусмерти.

– Что ты делаешь?

– Ай! – Арата подпрыгнул и вместо того, чтобы схватиться за меч, вскинул руки. – Мацумото-кун, это ты.

– Решил сбежать?

– Я... – Красноречие в очередной раз отказало Сасаки. – Что-то чувствую оттуда.

Он указал рукой за забор. Хизаши недоверчиво прищурился, потрогал грубо обтесанное дерево, присел на корточки и растер землю между пальцев. Рядом, ероша траву, проскользнула змейка и исчезла.

– Хорошо, – кивнул Хизаши, – давай сходим и проверим.

Попасть за неприступный с виду забор оказалось до смешного просто, потому что они с Сасаки были не первыми, кому понадобилось тихо улизнуть из деревни. Воспользовавшись лазейкой, они оказались среди деревьев, сомкнувших строй буквально в паре шагов от ограды.

Под их сумрачной тенью было беспокойно, вязко и холодно. У Хизаши возникло чувство, будто он погружается под воду, и чем дальше шел, тем мутнее и непрогляднее становилась толща воды. Сасаки шел чуть позади, но даже так не мог скрыть от спутника нервозности.

– Здесь... неправильно, – наконец, выдавил Сасаки.

Хизаши кивнул. Та самая неправильность, которая пугала Арату, гуляла по коже острыми коготками, хотелось скинуть ее с себя, освободиться от зуда, путающего чувства. В макушках сосен заблудился ветер, скрип старых ветл звучал надтреснуто, старчески, так похоже на ржавое карканье ворон. Хизаши прислушивался к лесу, но оставался глух к его сущности. Сегодня лес не отвечал ему.

– Разве не лучше было бы подождать Кенту и Джуна?

Хизаши раздраженно дернул плечом.

– Зачем? Пусть дальше выковыривают грязные кости.

– Кости?

– Неужели это так сложно понять? Руки не путешествуют отдельно от остального тела, как и другие его части. Даже головы рокурокуби остаются привязаны к телу длинной шеей. Очевидно же, что руки отрубили, и они попали к Сакума вместе с древесиной упавшего дерева, в корнях которого обязательно найдется что-то еще.

Сасаки побледнел, но мужественно смог спросить:

– Этого человека разрубили на куски?

– Так проще спрятать труп.

Сасаки ойкнул и вдруг схватил Хизаши за рукав хаори.

– Не пойдем дальше! Там... Там грязно.

Хизаши прищурился и посмотрел сначала на Арату, потом на едва заметную тропинку между деревьями. Когда-то сюда ходили люди. Отвернувшись от юноши, Хизаши отвел с правого глаза длинную челку и посмотрел снова.

Трава пожухла, земля покрылась копотью. Скрюченные сосны ошетинились пожелтевшими иголками, и между искаженными ветками натянулось кружево паутины, где вместо росы блестели рубиновые капли. Хизаши увидел это место таким, каким его делало зло, разлитое в пропахшем прелой хвоей воздухе. Сасаки Арата этого не видел, но остро ощущал, потому и боялся идти дальше.

Хизаши хмыкнул и легко вырвал рукав из его пальцев.

– Можешь подождать меня здесь.

И ничуть не удивился, когда Сасаки побежал за ним.

Даже простым людям наверняка становилось неудобно на этой старой тропе. Птицы не щебетали над головой, и ветер стих, неприятный озноб забирался под одежду, и Хизаши с трудом поборол порыв запахнуть сильнее. Холод был ненастоящим, от него не спрячешься даже за шерстяной тканью.

– Кажется, я знаю, куда мы идем, – обратился он к Сасаки. Ему нравилось оказываться правым, быть умнее остальных, но одерживать верх над Сасаки все равно что драться на мечах с ребенком. Хизаши вздохнул и более мягко продолжил: – Дочь деревенского главы упоминала про заброшенное святилище. Кто бы сомневался, что без него в этой истории не обойдется.

Тропинка стала заметнее, появилась насыпь из камней, очерчивающая ее границы, и с этого момента дорога незаметно пошла вверх. Хизаши одним глазом видел шелестящий зеленый лес, другим – мертвую, проклятую чащу. То, что он не мог объяснить остальным, то, что должен сохранить в тайне. Яркая-красная тория на пути в мире смертных давно утратила цвет, обветшала от дождей и покрылась островками бархатистого темного мха. Отсюда начинались

каменные ступени, ведущие к простому деревенскому святилищу, вход в который охраняли два комаину²¹, утративших силы. Львиные морды растрескались, и их обвивали стебли вьюна.

Хизаши смело прошел под перекладиной тории и поднялся по выщербленным ступеням. Святилище ками. Когда-то Хизаши с завистью смотрел, как люди приносят сюда дары и молятся о насущных вещах, и молитвы пропитывают землю и кормят божественного покровителя. Здесь же и следа от благодати не осталось, только пятна черноты, осквернившие порог и стены маленького храма. Ветра не было, но бумажные полоски сидэ на пеньковой веревке над входом беспорядочно раскачивались.

– Здесь никого нет, – сказал Сасаки, рискнувший приблизиться, но не отнимающий вспотевших ладоней от рукояти меча Цубамэ, и его сердце билось точно так же, как раненая ласточка.

– Верно, – кивнул Хизаши. – Ками оставил этот храм.

Он поднялся на крыльцо и задел макушкой веревку симэнава²². В стылом неподвижном воздухе распространилась вибрация, и Хизаши поежился. И храм, и земля были заражены, странно, что люди в деревне допустили такое. Он замер у двери и за миг до того, как отодвинул створку, услышал детский плач.

– Кто вы? Что вам здесь нужно?

Хизаши отдернул руку и повернулся на голос. Рядом с растерянным Сасаки стояла женщина в неопрятной грязной одежде, из-под платка выбивались длинные волосы с серебряными нитями седины и бросали тень на лицо. На спине женщина несла короб с хворостом.

Ребенок больше не кричал, и Хизаши уже не мог понять, было ли это взаправду, или померещилось.

– Меня зовут... – Сасаки осекся и быстро поправился: – Мы оммёдзи из школы Дзисин, приехали по приглашению старосты деревни Суцумэ. А вы из деревни?

Хизаши спустился к ним и задумчиво постучал ногтем по пластине веера. От женщины не исходило нечеловеческого запаха, и ее аура была аурой простой смертной, и все же интуиция подсказывала держаться подальше.

Арата попятился, словно тоже это ощутил.

– Я просто нищая торговка, – ответила женщина, низко склонившись перед оммёдзи. – Нашла приют в храме, чтобы провести ночь-другую.

– И вам не страшно? – поинтересовался Хизаши.

– На все воля богов.

Никто не трогался с места первым, нищенка не разгибала спины, и тогда Хизаши сказал:

– Верно. На все воля богов.

Он заложил руки за спину и медленно прошел мимо, почти касаясь полами хаори ее замызганных одежд. Сасаки поравнялся с ним возле тории и обогнал, стремясь оказаться подальше от жуткого храма и его не менее жуткой обитательницы, а вот Хизаши задержался. Опустился на корточки и подставил руку, чтобы маленькая змейка могла оплести ее.

– Следи за храмом, – велел он.

– Хизаши-кун?

Змейка нырнула обратно в траву и скрылась, Хизаши выпрямился и отряхнул ладони. Оставалось только ждать.

Как он и говорил, в корнях поваленного дерева Куматани и Мадока откопали кости. Они выглядели куда хуже кисти, хранящейся в мешочке, с ошметками гнилой плоти, облепленные

---

²¹ Комаину – японское мифическое животное, напоминающее смесь льва и собаки. Используются в качестве стражей, стоящих парами у входа в синтоистский (иногда буддийский) храм.

²² Симэнава – верёвка, сплетённая из рисовой соломы нового урожая, которой в традиционной японской религии синто отмечают священное пространство.

сырой землей и насекомыми. Судя по цвету лица, Мадока еще долго не сможет питаться в прежних объемах, и Хизаши пожалел, что не видел, как того выворачивало наизнанку от вида и запаха человеческих останков. Куматани не стал забирать их в дом, потому что в них самих не было семени зла, и они не причинят людям вреда, но хоронить их было рано, для начала стоило отыскать и другие потерянные части.

Хизаши сел в углу и раскрыл веер, чтобы разогнать смрадный душок, идущий от мрачных товарищей.

– У тела нет головы, – сказал Куматани.

– Это проблема.

– Может, голова в пустующем храме? – предположил Сасаки и стушевался, когда все повернулись к нему.

– Вы ходили в храм? – спросил Кента. – Почему не дождались нас?

– Кто-то же должен был откопать бедолагу, – ответил за него Хизаши. – И вообще, не припомню, что обещал отчитываться о каждом шаге.

– Верно, не обещал, – неожиданно согласился Куматани. – Тогда я сам схожу к святилищу и посмотрю, что да как.

Мадока недовольно дернул массивным подбородком.

– Кента, ты не можешь оставить это так. Мацумото тебя не слушается.

– Он и не должен. Вы можете мне помогать, как и я вам, но никто из нас не должен подчиняться другому. Понимаете?

Хизаши прищурился, но, как ни старался, не мог найти, к чему прицепиться. Куматани спокойно вернулся к обсуждению дела, Мадока с неохотой, а Сасаки с готовностью его поддерживали.

– Староста действительно не был с нами откровенен. Стоит спросить у него, пропадал ли кто-то в Суцумэ в последние пару лет, а еще, почему люди забросили святилище ками в лесу.

Все трое сидели спинами к Хизаши, и тот почувствовал неприятный укол ревности. Кента озвучивал то, что Хизаши и сам собирался сказать, но никто не хотел его слушать, более того, его еще и выставили виноватым. Ну и ладно, вернется змейка, и тогда станет ясно, от кого в группе больше пользы. Слабые – мясо, сильные едят его.

К обеду снова испортилась погода, и днем стало темно, как ночью. Покрывало сизых облаков затянуло небо без единого просвета, воздух застыл, как прозрачная смола. Мадока и Арата задерживались у деревенского главы Ито, а Кента почему-то остался в доме и задумчиво буравил взглядом мешочек с рукой. Грохот грома еще не был слышен, но ощущался в неподвижной тишине, как отголосок горного эха. Хизаши сидел у окна, сквозь щели проникал тусклый свет и рваными полосками падал на истертые татами.

Оба молчали.

Приближение бури ощущалось неотвратимым злом, неподвластным даже богам с небес. Свет за окном тускнел и тускнел, пока все, что можно было за ним разглядеть, не превратилось в зловещую хмарь. Поднялся ветер, и его заунывный свист разбил фарфоровый купол тишины.

– Что-то они слишком долго.

Голос Куматани на мгновение заглушил звуки снаружи, но окончание фразы потонуло в раскате грома. Вспышка молнии очертила его лицо с плотно сжатыми губами, выдававшими волнение. Хизаши его тревога не затронула, однако он тоже подумал, что Мадока и Сасаки должны были давно вернуться.

– Я пойду к старосте. – Кента поднялся и заткнул за пояс меч. – Жди меня здесь.

Он решительно двинулся к выходу, но дверь распахнулась сама, и вместе с ветром и сухой пылью под низкой притолокой, пригнувшись, прошел человек. Он был одет в скромную черную одежду, из-под которой выглядывал идеально белый воротник нижнего кимоно, в одной руке – изящная нагината с более коротким, чем обычно, древком, в другой – тряпичный сверток.

Кента отступил, а Хизаши, напротив, подался вперед. Человеческие глаза видели не так ясно, но чутье не обмануть.

– Что здесь забыл один из Фусин? – спросил он.

Кента недоверчиво посмотрел сначала на Хизаши, потом на незнакомца с нагинатой.

– Фусин? Школа Сомнения?

Наконец незнакомец поднял голову и прямо встретил настороженные взгляды.

– Мое имя Юдай, из рода Учида. Я старший ученик школы оммёдо Фусин.

Их имен он не спросил, застыв гордым изваянием возле гэнкан²³. Снова сверкнула молния, и темная сетка оконной рамы упала на благородное лицо Учида Юдая, которое можно было назвать красивым и утонченным, но в раскосых глазах блестела гордыня, и это Хизаши отлично чувствовал.

– Что привело старшего ученика Фусин в деревню Суцумэ?

Учида едва удостоил Кенту взглядом, аккуратно разулся и поставил обувь с краю, после чего сел у стены, скрестив ноги и положив на них нагинату. Сверток лежал рядом, и Хизаши ощущал в нем подавленную темную энергию, нечто подобное, но гораздо слабее, исходило и от парчового мешочка с костями отрубленной руки, что Кента держал подле себя.

Может ли так быть, что две великие школы экзорцизма взялись за одно и то же дело? Заявки тщательно сортировались, ошибка исключена, и, если за расследование бралась одна из школ, другая не должна была вмешиваться без согласия. Хизаши не припоминал, чтобы они соглашались на помощь Фусин. Да и не так много людей не из столицы или других крупных городов стали бы нанимать для работы школу Сомнения, за ними тянулась дурная слава.

– Эй, Учида, – грубовато позвал Хизаши. Юноша не повернул головы. – Ты глухой?

– Подожди, – жестом прервал его Кента и встал перед незванным гостем. – Мы младшие ученики из школы Дзисин, Куматани Кента и Мацумото Хизаши. Старшие отправили нас изгнать то, что пугало людей в деревне Суцумэ. А что привело тебя?

Юноша поднял на него тяжелый, как небо за окном, взгляд.

– То же самое. Но не в Суцумэ.

Хизаши ухватил тот миг, когда Учида отвлекся на Кенту, и метнулся к оставшемуся без присмотра подозрительному свертку.

В грудь ему уперлось острие нагинаты.

– Слухи о вашей школе оправдывают себя, – произнес он ровным голосом. – А детеныш лягушки сам является лягушкой²⁴.

– Ты... – Хизаши дернулся и едва не порезал сам себя. – Выражаешься учено, только вот лягушка в пруду не знает большого моря.²⁵

Лезвие отдалилось, и оружие снова спокойно легло на колени оммёдзи из Фусин.

– Верно, – кивнул он. – Но это так же относится и к вам двоим.

Кента переводил растерянный взгляд с одного на второго, не решаясь вмешаться. Игра словами была не по его части.

– Так что ты делаешь в Суцумэ? – наконец, спросил он, пока Хизаши потирал едва заметный красный след на горле. – Это связано с тем, что лежит в твоём свертке?

Тогда Учида Юдай впервые поднял голову и прямо посмотрел на Куматани. Вспышка молнии осветила его надменное красивое лицо с густыми бровями вразлет, придав ему злое и неподвижный вид маски театра Но.

– Смею предположить, в вашем парчовом мешочке тоже сокрыто нечто необычное.

---

²³ Гэнкан – прихожая в традиционном японском доме, где оставляют обувь; отделена высоким порошком.

²⁴ Детеныш лягушки сам является лягушкой – японская идиома, близкая по значению к «Яблочко от яблоньки недалеко падает».

²⁵ Лягушка в пруду не знает большого моря – японская идиома со значением «Люди делают суждения, основываясь только на собственном опыте».

Словно откликаясь на догадку, мешочек дернулся, и в ту же секунду дом до самого основания сотряс раскат грома. Его отголоски еще долго глухим эхом отдавались с разных сторон, и, казалось, реву одного горного великана отвечало множество других.

И хлынул дождь.

Хизаши почувствовал неладное первым. Нечеловеческим чутьем уловил ржавый запах, впитывающийся в землю вместе с потоками дождевой воды. Следом подобрался Куматани, скользнул ладонью по ножнам Имы и кивнул. Вместе с Хизаши они выбежали на покосившееся крыльцо и застыли от удивления. Из набухших туч вперемешку с дождем лилась кровь. Последним вышел Учида Юдай и стукнул пяткой копыя по разохшимся доскам.

– Все слишком серьезно. Необходимо уведомить ближайшее управление Фусин.

– Это дурной знак, – Кента протянул руку, и в ладони собралась красная лужица. – Нельзя больше откладывать, идем в святилище немедленно.

– Вы сумасшедшие, – сказал Учида. – Нельзя действовать без одобрения школы. Это не ёкай, не злой дух, даже не акума. С демоном младшим ученикам не справиться.

Хизаши, еще секунду назад озадаченно размышлявший, как избежать лишней работы, вдруг развеселился.

– Если ученики Фусин могут работать только по инструкции, то можешь подождать нас тут. Возможно, мы даже поделимся информацией, когда со всем покончим, чтобы тебе было что написать в отчете.

Куматани их уже не слушал. Вернулся в дом и оттуда взволнованно позвал:

– Хизаши!

Хизаши прервался на полуслове и побежал на зов, с небольшим опозданием заметив, что тело отреагировало быстрее головы.

Куматани с огорченным лицом стоял посреди единственной комнаты.

– Рука пропала.

Учида кинулся на поиски свертка, но и того на месте не оказалось. Кто-то украл обе вещи.

– Как нам теперь узнать, кто был хозяином отрубленной руки? – сокрушался Куматани. – Его душа так и останется во власти обиды и гнева.

– Не о ней надо думать, а о том, как ты будешь оправдываться за проваленную работу, – проворчал Хизаши.

– Рука? – переспросил забытый обоими Учида. – В вашем мешочке была человеческая рука?

– Верно, – кивнул Кента. – А в твоём свертке?

– Голова.

Хизаши закатил глаза, но Кента не позволил ему дать волю языку.

– Как жаль, что мы не успели поговорить о деле, тогда бы смогли провести допрос головы.

– Вы уже умеете проводить допрос?

– В Дзисин много времени уделяют практике. А ты разве не умеешь?

На скулах Учиды заиграл гневный румянец.

– Разумеется, умею. Но заклятие не подействовало, и мне пришлось отправиться в направлении, которое голова указывала, и оставить товарищей. Наверное, для проведения допроса не хватало... частей.

– Или твои умения не настолько выдающиеся, как красота, – не удержался Хизаши.

– Для оммёдзи внешность не имеет значения!

Хизаши легко выдержал испепеляющий взгляд, но руку с пояса на всякий случай не убирал. Куматани перестал нервничать и ударил кулаком по раскрытой ладони.

– Надо идти в святилище, уверен, там мы найдем ответы на все вопросы.

* * *

Кровавый дождь длился недолго и закончился, оставив после себя неприятный запах железа и бурые лужицы в земле. Раскаты грома стали чаще, а молнии ярче, и Хизаши, наконец, увидел в странностях погоды второй знак, указывающий на демоническое присутствие, а они его проморгали. Хороши оммёдзи, ничего не скажешь.

– Кто-то должен остаться и сообщить Мадоке и Сасаки, куда мы направились, – опомнился Кента.

– На меня не смотри, – развел руками Хизаши. – Мне совесть не позволяет оставить тебя наедине с этим подозрительным фусинцем.

– Он не подозрительный.

– Я не по... Твои слова оскорбительны! – нахмурился Учида Юдай и закинул нагинату на плечо. – Позже я потребую извинений, но сейчас нет времени на разговоры.

– Тут я с ним согласен, – сказал Хизаши и веером указал на небо. – Хотя и не горю желанием лезть они в пасть.

– Рисковать собой ради защиты невинных людей наш долг как экзорцистов, – напомнил Учида, и Кента быстро кивнул.

– Верно сказано. Мадока должен сам догадаться, где мы, поэтому поспешим.

Они с Учидой, не сговариваясь, одновременно развернулись, а Хизаши оттянул рукав хаори и погладил выглянувшую оттуда треугольную змеиную головку. Змея довольно зашипела.

– Хорошо, – кивнул Хизаши. – Спасибо за работу.

Он догнал товарищей на полпути к тайному лазу в заборе. Всполохи зарниц превращали ночь в день, и уже не вспомнить, что солнце еще даже не начало путь к закату. Кента то и дело теребил гладкие агатовые бусины, охватывающие шею, пока Учида открывал проход. Вскоре деревня осталась позади, а под ноги легла заросшая тропа, уводящая все глубже в лес. Лес, который имел две стороны, и пусть другие видели лишь то, что доступно человеческому взгляду, оба были напряжены, а Куматани замедлил шаг, всматриваясь в землю под ногами.

– Что с этим местом произошло? – пробормотал он. – Оно такое... грязное.

– Сасаки сказал то же самое.

– Сасаки видит больше, чем говорит, – вздохнул Кента. – Но я не думал, что все настолько плохо. Почему люди допустили такое?

– Лучше спроси, почему земля осквернена и куда смотрел местный ками.

– Его здесь нет, – хмуро произнес Учида, и пальцы сильнее сжались на древке копья. – Давно. Люди не могли этого не заметить.

– Верно. Значит, они или непроходимо тупы, или сами причастны к осквернению святилища.

Кента не мог не признать, что в словах Хизаши есть смысл. Он всегда в первую очередь старался верить в лучшее, а вот Хизаши не было нужды верить, он просто знал, что если дурное может случиться, оно непременно случится.

– Наверняка в деревне не подозревали, что все зашло так далеко, – попробовал он оправдать виновных, но уже не так уверенно, как обычно.

– Виновники будут наказаны, – жестко произнес Учида. – Идемте, надо покончить с этим.

Хизаши хлопал Кенту по плечу и, заложив руки за спину, не спеша пошел за Учидой. А лес меж тем становился все безобразнее. Темная энергия черными потеками сползала с ветвей, как густая смола. Вдохнешь, и она попадет внутрь и отравит сердце. Хизаши принялся обмахиваться веером, с любопытством посматривая из-за его края на то, как меняется лицо Куматани. Он перестал дергать бусины и одну руку опустил на рукоять меча, а вторую держал

за пазухой, перебирая талисманы. Его голова странно дергалась, словно бы он прислушивался к чему-то, и Хизаши знал, к чему. По мере приближения к храму деревья начали говорить. Звуки эти были похожи на стоны обреченных душ, то высокие, то едва слышные, мужские и женские, детские и взрослые, они сбивались в один беспокойный шепот, накатывающий со всех сторон подобно морскому прибою. Слышал ли его Учида? Если и так, то он продолжал уверенно идти вперед, не отвлекаясь ни на миг. Хизаши прищурил левый глаз и правым видел его искрящейся белой фигурой, полной внешней благодетели. Фусин. Они всегда строили из себя святых. Этот юноша был старше Куматани, но крови на нем было меньше. Хизаши не терпелось узнать, каким станет его красивое лицо, когда он столкнется с тем, что затаилось в стенах загрязненного святилища.

Тропа пошла вверх, появились камни по ее границам. Учида остановился в паре шагов от старой тории и уперся пяткой копья в землю.

– Впереди источник скверны.

– Демон, – прошептал Куматани.

– Верно, – Хизаши щелкнул веером и прижал его к губам. – Страшно?

– Мацумото останется здесь, безоружным нечего делать в битве.

– Нет, – одновременно возразили Кента и Хизаши, но продолжил один только Кента: – Он пойдет со мной, и он не безоружен, просто... Просто у него другие методы.

Ветви деревьев качнулись под порывом ветра, который принес холод, капли дождя и призрачный жуткий смех. У вросших в землю столбов тории за клубился туман.

– Разве Дзисин не кичится своей силой?

– Спорим на три чашки риса, что от меня с веером будет больше пользы, чем от тебя с копьем?

– Победа в этом споре не принесет мне славы.

– Ты такой скучный.

На плечо опустилась тяжелая ладонь, и Кента напомнил:

– Мадока и Сасаки придут на помощь, но пока мы можем надеяться только на себя. Давайте отложим споры и ссоры на потом?

– Ты тоже скучный, Куматани, – пожаловался Хизаши и повел плечом, скидывая его руку. – Тогда я пойду первым.

Но Учида снова его опередил. Шагнув под перекладной ворот, он словно бы исчез из этого мира, туман поднялся белесой стеной и скрыл человека с глаз.

Куматани плотно сжал губы и ступил следом, но Хизаши остановил его за рукав.

– Не спеши так. Кто-то помогает растерзанному телу собраться воедино, и этот кто-то – человек из плоти и крови. Думаю, деревенский глава к этому тоже причастен, но едва ли только он.

– Почему ты говоришь это именно мне?

– Потому что Учида из Фусин, они живут ради наказания виновных, а ты, если увидишь живого человека, сразу размякнешь. А если демона призвала Мариико-тян?

– Нет, она не могла бы...

– Вот! – Хизаши разочарованно отпустил его. – Об этом я и твержу.

Кента открыл рот, чтобы снова возразить, однако передумал и порывисто поклонился.

– Спасибо за заботу!

Когда и он скрылся в тумане, Хизаши пожалел о приступе человечности, что накатил на него так внезапно. Разве он не собирался доказать, что даже такие люди, как Куматани Кента, способны на зло? Почему решил предупредить его?

– Я еще об этом пожалею, – пробормотал Хизаши, сложил пальцами свободной руки печать барьера и нырнул в белое густое облако.

Порог святилища возник перед ним внезапно, словно перенесся со своего места. Здесь не было ни ветра, ни звука, ни движения. Симэнава с бумажными оберегами на ней была порвана посередине и двумя безжизненными змеями болталась до самой земли. И только один звук – плач младенца – внезапно нарушил застывшую тишину момента. Хизаши медленно поднялся по ступеням и замер возле двери. Ощущение зла за ней достигло предела.

Ребенок плакал, и его надрывный крик был настоящим.

Хизаши вошел во внутреннее помещение храма и едва успел прикрыть лицо веером – поток ледяного воздуха ударил в него и вышвырнул на улицу. Створки дверей с громким стуком закрылись, и все снова заволокло неестественной тишиной. Хизаши поднялся на ноги, отряхнулся и спустился с крыльца.

Весь мир делился по уровням на подземный мир демонов – Ёми, царство смертных и небесный мир – Такамагахара. Но кроме этого, существовал иной мир – теневая сторона, – наводненный неприкаянными призраками и отражающий изнанку всего, что окружает людей. Видеть его могут те, кто связан со смертью, шаманы-итако, общающиеся с душами мертвых. И для таких, как Хизаши, граница между этими мирами была не толще рисовой бумаги. Но если где-то здесь потеряются Кента и Учиды, пути обратно им не найти.

Хизаши опустился на землю, скрестил ноги и припомнил слова древнего заклинания, имеющего власть над границами миров. Пока горит талисман, написанный его кровью, слова, звучание которых забыто в веках, будет разгонять туман. Течение ки в теле ускорилось, энергия согрела замерзшие пальцы, и тонкая бумажка офуда вспыхнула голубым пламенем. Хизаши закрыл глаза и погрузился в транс.

– *Надеюсь, тебе никогда не пригодятся эти знания, Ясухиро.* Но если тебе придется выживать без меня, запомни каждое слово. Слышишь? Демоны жестоки, ёкаи коварны, боги безразличны, но страшнее всего люди, Ясу-чан. Бойся их, не доверяй им. Вот оно, истинное зло под облаками.

Тихо шуршала бумага, потрескивало пламя в масляной лампаде. Приходилось шуриться, чтобы в ее неверном свете разглядеть замысловатые символы на ветхом свитке. А голос все отдалялся, повторяя одни и те же предостережения. И все это как будто когда-то было. Когда-то очень давно, а может, и никогда...

Свист клинка, рассекающего воздух прямо перед его лицом, встряхнул Хизаши. Офуда догорел, и течение ки в теле успокоилось. Перед глазами возникла спина Куматани, а ноздри затрепетали, вдохнув запах свежей крови.

– Хизаши! Как же вовремя!

Что-то налетело на него, не дав продолжить. Клочки оседающего тумана разорвало острие нагинаты, и с другой стороны от Хизаши появился Учиды Юдай. Его лицо усеивали черные брызги – быстро застывающие разводы негативной энергии, облеченной в физическую форму. Хизаши вскочил и тогда увидел, против чего сражался Куматани.

Это был человек. Когда-то он был человеком. Сейчас же, искаженный мучительной смертью, темным колдовством и демонической энергией, он походил на изломанную и кое-как собранную обратно куклу-марионетку. Хизаши видел представления кукольных театров, помнил, как за ширмой рвано дергаются длинные конечности, управляемые ловкими пальцами кукловода. Существо перед ними сейчас было похоже на тех кукол, только сшитое из кусков давно мертвой плоти. Толстые нитки стягивали вместе туловище с выступающими из-под локмотьев кожи ребрами и конечности. А те нити, что удерживали правую кисть и голову, еще не успели потемнеть. Хизаши с содроганием взглянул в лицо чудовища, но увидел лишь завесу редких спутанных волос. Но вот голова резко дернулась, открыв одну половину, изъеденную жуками, и вторую, совсем лишившуюся плоти. Из пустых глазниц на Хизаши уставились гладкие камни с царапинами ритуальных символов.

– Берегись!

На плечо навалилась тяжесть, и Хизаши отлетел в сторону. Куматани скатился с него, с мерзким скрежетом принимая удар ржавой мотыги на меч. Учида раскрутил нагинату и нанес удар сверху, точно в стык между плечом и рукой. На мгновение показалось, что чудовище потеряло ее, но нитки растянулись и с силой вернули конечность на место. Жуткий рев сотряс воздух, и мотыга едва не выбила копьё из руки фусинца.

– Ты в порядке? – спросил Кента, и его горячая ладонь легла на локоть и потянула Хизаши вверх. – Мы пытались войти в храм, но появилось это существо. Это демон?

Учида выставил древко перед собой, защищаясь от мощного удара. Прямо на глазах чудовище увеличилось в размере, став выше Учида сразу на три головы. Если так пойдет дальше, даже у троих оммёдзи не останется шансов.

– Его что-то подпитывает, – понял Хизаши. – И оно в святилище. Идите туда.

– А ты?

– Попробую его задержать до прихода подмоги.

Кента кивнул и побежал к ступенькам храма. Хизаши достал огненный талисман, подбросил в воздух и легко взмахнул веером, отправляя его в полет. Бумажка приклеилась к затылку чудовища, и оно взвыло, забыв об Учиде.

– Мог бы и сам догадаться, – хмыкнул Хизаши, опередив слова благодарности. – Но это ненадолго. Помоги Куматани внутри, главное будет происходить там.

Учида не стал задавать вопросов или предлагать помощь, сразу бросился к ступеням, а Хизаши остался один на один с разъяренным бакэмоно. Камни в глазницах заворочались, создавая впечатление, что мертвый взгляд преследует Хизаши.

– Ты хочешь освободиться? – спросил Хизаши. Монстр взревел. – Что ж, я тоже.

Хизаши прижал пальцы к губам и произнес короткое заклятие, активирующее начертанную на обратной стороне веера кикё-фуин, пятиконечную звезду, изгоняющую зло. Двери святилища уже захлопнулись за его спиной, и Хизаши больше не нужно было сдерживаться. Этот бакэмоно был создан неумелым колдуном, в нем не было изящества, лишь грубая сила в страдающем, обреченном на вечное гниение теле. Хизаши сделал шаг вперед, перетекая с места на место и отмечая каждое частью своей внутренней ки. Мотыга, такая несуразно мелкая в длинных руках, безуспешно пыталась догнать ловкого оммёдзи, будто танцующего в обрывках тумана.

Семь шагов, семь звезд на небе, семь слов в древнем заклятии. Произнеся последнее, Хизаши сорвался с места и закружил вокруг монстра, раскрытый бумажный веер порхал, подобно белой бабочке, оставляя после себя тонкие, как волосы, порезы, рассекающие мертвую плоть до самой кости. Заклинание Семь шагов, Ситисэй, приковало монстра к месту, он пытался уклониться, но ему не хватало подвижности, в конце концов, кукла остается куклой, будь она из дерева, бумаги или гниющего мяса. Хизаши окружил его офуда со знаками звезды сэман, и темная энергия начала покидать тело.

Хизаши подошел к упавшему на колени бакэмоно и ткнул пальцем между выступающих надбровных дуг.

– Мацумото Хизаши освобождает тебя. Кай!

Нити порвались одновременно, и чудовище упало под ноги Хизаши безжизненной грудой.

В святилище громко закричал ребенок и резко замолчал, едва крик достиг наивысшей точки. Для Хизаши время растянулось, но в действительности его битва была скоротечной.

Святилище окутала черная дымка. Злоба, распространявшаяся от тонких стен, была похожа на щупальца осьминога, такие же гибкие и холодные. Хизаши остановился возле дверей, надеясь услышать еще хоть что-то, но внутри словно не осталось ничего живого.

Учида Юдай был прав, это не дело для младших учеников, но Хизаши не один из них. Он – нечто большее.

Створки разъехались, и звуки хлынули на Хизаши все разом: пронзительные женские вопли, крик ребенка, глубокий голос Кенты и резкий, острый, как лезвие нагинаты, голос Учида. К ним добавлялся свист ветра, раскручивающий черную воронку дыма в центре помещения, а ее источник – восьмиконечная звезда с грубыми мазками крови, которые складывались в заклинание призыва. Младенец, завернутый в грязные тряпки, лежал в самом центре, исходя плачем. Его мать на коленях взывала к силам, побороть которые ни Куматани, ни Учида не могли.

– Мертвое вернулось к мертвому! – громко произнес Хизаши и бросил на пол гладкие камешки-глаза. Они со стуком покатались по доскам, пока не замерли перед замолчавшей женщиной.

– Отец?..

Она сгрэбла камни и поднесла к лицу. Ее пальцы дрожали, и когда ветер стащил с нее платок и растрепал поседевшие волосы, стало ясно, что она не так уж стара, но ее лицо изуродовано старыми шрамами, следами от огня.

– Так это был твой отец? – ужаснулся Куматани. – Как можно было сотворить с ним такое?!

Безумный взгляд остановился на нем, и в широко распахнутых глазах не было ни капли раскаяния.

– А им? Им всем было можно? Им можно?!

Она расхохоталась, и смех был подобен вороньему карканью, пока не превратился в плач. Мать и ребенок плакали вместе, но с разных сторон колдовского круга.

Учида провел двумя пальцами по лезвию нагинаты и с криком обрушил его на ближайший к нему угол звезды. Свечи вокруг вспыхнули ярче солнца и разом потухли, но кровавое сияние зловещих символов не дало тьме сомкнуться. Демоническая энергия рванулась к потолку, запуталась меж деревянных балок и ринулась вниз, метя в грудь уставшего от слез младенца. Куматани оказался быстрее, и ритуал окончательно был испорчен.

Стемнело, ветер превратился в ураган, готовый сорвать кожу с лица и вырвать волосы. Хизаши потерял даже способность видеть мир иным зрением – все погрузилось во мрак и холод. Внезапно кто-то схватил его за запястье, и Хизаши почувствовал тепло.

– Забери ребенка и уходи, – шепнул Кента. Что-то шевелящееся и теплое сунули ему в руки. – Уходи!

Хохот пронесся под крышей, и свечи замерцали синим огнем.

– Он обещал исполнить мои желания, – тихо начала женщина, и ее покачивающаяся на носочках фигура мало напоминала живого человека. – Дал знания и силы, чтобы наказать их всех. Я... разве я не имела на это право?

Она едва касалась пола, и Хизаши четко видел черные нити дыма, обвивающие ее худое тело.

– Кому ты мстишь? – спросил Учида.

– Тем, кто убил моего отца. Тем, кто лишил меня чести. Тем, кто забрал мою жизнь и предал огню молодость.

– Это кто-то из Суцумэ? – спросил Кента.

– Это вся Суцумэ. Каждый в деревне должен умереть!

Зло снова набирало силы, но ему все еще нужна была жертва.

Хизаши попятился к выходу.

– Ты пыталась призвать в мир демона из глубин Ёми. – Учида направил на нее острие копья. – Ты превратила своего отца в бакэмоно и натравила на людей, виновны они или безвинны. По законам школы оммёдо Фусин ты достойна равнозначного наказания. Ты станешь пищей для зла, с которым связалась.

– Нет!

Кента встал между ним и одержимой женщиной и раскинул руки.

– Немедленно уйди.

– Ты не можешь сам вершить суд! – воскликнул Кента. – Мы должны уничтожать нечисть, не людей!

– Разве она человек? Взгляни же. Она насквозь пропитана негативной энергией. По законам Фусин, я имею право воздать виновному за содеянное в равной степени.

– То есть ты дашь демону поглотить ее душу?

– Это будет справедливо.

– Мы не в Фусин. – Кента обеими руками крепче сжал рукоять Имы. – Я не дам тебе убить человека.

Хизаши стоял уже возле самого выхода, но не уходил из любопытства. Куматани впервые столкнулся с философией школы Фусин лично, и это было интересно. Однако они тратили время, а дело еще не было завершено.

– В последний раз прошу, уйди с дороги, Куматани Кента.

– И не подумаю.

Женщина громко расхохоталась, ее смех расщепился на десятки других голосов, и Хизаши понял, что момент упущен. Они проиграли.

И тут двери за его спиной раскрылись, и вместе с сумрачным светом в храм ворвался человек.

– Ацуко! Ацуко, остановись, они убьют тебя!

Деревенский глава Ито упал на колени и заплакал. За его спиной стоял Мадока, а Сасаки уже был рядом с Хизаши и осторожно забирал у него сверток с младенцем.

– Ацуко! Мы больше не можем это продолжать!..

Появление старосты нарушило контроль демонической силы, и в глазах Ацуко появилось понимание. Она обвела взглядом пустой зал с разрушенным алтарем и разбитой табличкой с именем ками, и розовые шрамы на ее лице уродливо сморщились.

– Аааа! – протяжно закричала Ацуко. – Я не хочу! Я не хочу!

Щупальца черного дыма сомкнули кольца вокруг нее, и женщина зашлась воплем боли. Страх был почти осязаем, он стягивал кожу застывшим воском и забивал горло. Хизаши толкнул Сасаки к выходу, а Мадока выставил перед собой длинный меч, готовый к сражению.

Однако никому больше не пришлось пускать в ход оружие и магию. Ацуко завывала, а потом выхватила простой охотничий нож и вонзила себе в живот. Стены святилища сотрясались, и вместе с кровью, покидающей женское тело, слабела и сила демона. Он не получил ту жертву, что была ему обещана, вместо этого смерть призывающей навсегда закрыла для него эту дверь в смертный мир.

Хизаши опустил руку и едва слышно выдохнул.

Все закончилось.

– Доволен? – спросил Кента и убрал меч в ножны. – Такого исхода ты хотел?

Учида не ответил, и в его глазах отражалась лужа крови, яркая, как пламя, и так же быстро гаснущая, как жизнь, которую она с собой уносила. Куматани опустился на колени перед Ацуко и взял за испачканную в красном тонкую кисть.

– Мой ребенок... – прошептала женщина. – Мой Осаму... Он...

– Он жив, – Кента сильнее стиснул слабеющую руку.

– Хорошо. Я ошиблась. Я... я так ошиблась.

– Ацуко!

Хизаши посторонился, пропуская старосту. Он упал на колени рядом с Кентой, роняя слезы.

– Ацуко! Почему мы не остановились раньше? Почему все зашло так далеко?

– Он обещал помочь, велел молиться своему богу, – прошептала женщина, и ее глаза медленно стекленели. – Но я ошиблась. Я так... так...

Хизаши отвернулся, вдруг ощутив ужас оборвавшейся жизни – чужой, ничего для него не значащей, никчемной жизни. Но сердце больно сдавило, будто напоминая, что и его жизнь теперь конечна, и он теперь стоит на одной чаше весов с этой женщиной. Отвращение пополам с отчаянием наполнило его грудь, и он поспешно покинул святилище и остановился только под старой торией.

Где есть жизнь, непременно будет и смерть. Для Хизаши это не было откровением, однако он впервые почувствовал, что на самом деле означает быть человеком. И ему совсем не понравилось.

– Мацумото! Эй, Мацумото!

Хизаши вернул на лицо легкую полуулыбку и повернулся к Мадоке. Казалось, тот был смущен чем-то.

– Я подумал, Куматани там и сам справится, да? – спросил он, не будучи заинтересованным в честном ответе. – Знаешь, это все так неправильно. Женщины не должны заниматься мстостью.

– Даже если их родных разрубают на куски и закапывают в грязи в разных местах?

Мадока насупился, скрывая испуг.

– Мсть не женское дело. Женщина должна нести жизнь, а не забирать.

– Много ты знаешь, – фыркнул Хизаши и посмотрел ему за плечо. По тропинке спускалась целая процессия, во главе Куматани с телом Ацуко на спине, за ним понуро брел староста, чуть позади Сасаки с ребенком, а Учида отстал сильнее всех, хмурый и отстраненный даже больше, чем в тот момент, когда впервые вошел в дом на окраине деревни.

– Ито-сан хочет нам кое-что рассказать, – сообщил Куматани и устало улыбнулся. – Мы все хорошо поработали, пора вернуться в деревню и узнать, как все произошло.

Хизаши пропустил их, но не стал дожидаться Учиду. Злорадствовать над ним вдруг стало совсем не интересно.

Марико-тян разлила по чашкам травяной отвар и ушла. Хизаши лично повесил над входом печать тишины и так и остался стоять возле двери. Дом старосты Ито пах горько – сухой полынью – и сладко – давней болезнью. Хизаши почувствовал это только сейчас.

– Прошу, садитесь и послушайте старика, – попросил Ито-сан, взял в руки чашку, но не сумел удержать. Несколько горячих капель обожгли дрожащие пальцы. – После моя судьба и судьба моей семьи будет в ваших руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.